

fanzon

**КНИГИ РОБЕРТА Э. ХАЙНЛАЙНА,
ВЫШЕДШИЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ FANZON**

«Погоня за панкерой»

«Ворчание из могилы»

Robert A. Heinlein

THE PURSUIT OF THE PANKERA

A Parallel Novel About Parallel Universes

Роберт Хайнлайн

ПОГОНЯ ЗА ПАНКЕРОЙ

fanzon

Москва
2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
X15

Robert A. Heinlein
THE PURSUIT OF THE PANKERA

A Parallel Novel About Parallel Universes

Copyright © 2020 by The Robert A.
and Virginia Heinlein Prize Trust.
Cover © 2021 by Stephan Martiniere. All Rights Reserved.

Иллюстрация на суперобложке и переплете
Стефана Мартинье

Литературный редактор *С. В. Голд*

Хайнлайн, Роберт.
X15 Погоня за панкерой / Роберт Хайнлайн ; [перевод
с английского Д. Казакова]. — Москва : Эксмо, 2022. —
640 с. — (Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ).

ISBN 978-5-04-122891-0

Впервые на русском языке публикуется роман классика научной фантастики Роберта Хайнлайна «Погоня за панкерой». Земля под угрозой инопланетного вторжения. Только четыре человека знают об этом и могут предотвратить трагедию. Но герои попадают в ловушку зловещих инопланетян, и у них остается единственный способ уйти от погони — покинуть этот план бытия на своей космической яхте и оказаться в параллельных вселенных, созданных талантливыми фантастами Эдгаром Райсом Берроузом, Фрэнком Баумом и отцом космической оперы Э. Э. «Доком» Смитом.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-122891-0

© Д. Казаков, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

— ПРЕДИСЛОВИЕ —

Мне был задан вопрос: «Как на вас повлиял Роберт Хайнлайн?» Это, как говорится, наводящий вопрос, и я на самом деле сомневаюсь, что найдется хоть один честный писатель-фантаст, который может заявить, что Хайнлайн *не* оказал на него никакого влияния. Иногда — вынуждая становиться в оппозицию к его самым противоречивым взглядам на такие вещи, как инцест, или задаваться вопросом, как он мог придумывать таких прекрасных героинь и в то же время держаться таких «стереотипных» взглядов на женщин. А иногда — получая вдохновение, стилистическое или философское, которое необходимо писателю для работы. «Бесплатных завтраков не бывает»¹, «Заплати вперед»², «Грок»³ — все это, как и многое другое, созданное Хайнлайном, стало кирпичиками, из которых мы складываем наши тексты, называем ли мы их «спекулятивной фантастикой»⁴ или «научной фантастикой». Мы все еще слышим

¹ Это американское крылатое выражение в виде акронима TANSTAAFL Хайнлайн популяризовал в романе «Луна — суровая хозяйка». — *Здесь и далее примечания переводчика.*

² *Pay It Forward* — фраза из романа Р. Хайнлайна 1951 года «Между планетами». Ее использовала в качестве названия своей книги в 1999 году К. Хайд. Экранизация книги Хайд в 2000 году породила интернациональное благотворительное движение «Pay It Forward». — *Прим. С. В. Голд.*

³ Слово «Грок» изобретено Хайнлайном для романа «Чужак в стране чужой».

⁴ *Speculative fiction* — Хайнлайн предпочитал именно это определение собственного творчества, оно гораздо шире собственно НФ, поскольку охватывает более широкую предметную область, включая социологию, психологию и т. п. и вместе с тем заметно уже «просто фантастики», т. к. подразумевает использование научного метода мышления при конструировании миров или ситуаций. — *Прим. С. В. Голд.*

эхо его слов, отражение этого эха, и оно продолжает нас вдохновлять.

Но если свести вопрос к тому, как Роберт Хайнлайн повлиял именно на меня, то часть ответа будет абсурдно простой: он ввел меня в мир научной фантастики в очень раннем возрасте, он оставался рядом в школе, колледже и даже после. «Имею скафандр — готов путешествовать», «Астронавт Джонс», «Ракетный корабль Галилей», «Космический кадет», «Звездный зверь», «Кукловоды», «Марсианка Подкейн», «Пасынки Вселенной», «Двойная звезда», «Гражданин галактики», «Луна — суровая хозяйка», «Дорога славы», «Чужак в стране чужой»... это только романы, и то не все, и этого перечня достаточно, чтобы объяснить, почему все так случилось. Мне очень не нравится, когда люди спрашивают, «какой писатель-фантаст повлиял на вас сильнее всего?», поскольку любой писатель-фантаст, которого я читал, повлиял на меня так или иначе, и конкретное имя в данный конкретный момент зависит от того, над какой историей я сейчас работаю. Однако я точно могу сказать, что Большая Четверка для меня — Хайнлайн, Пол Андерсон, Спрэг де Камп и Генри Бим Пайпер, и я непременно должен упомянуть еще дюжину имен, в числе которых Андрэ Нортон, Энн Маккеффри, Кейт Лаумер и Патриция Маккиллип. Речь не обязательно идет о стилистике, скорее, о ремесле в целом. Но всякий раз, когда мне приходится составлять список повлиявших на меня авторов, первым неизменно оказывается Хайнлайн.

Вероятно, потому, что я встретился с ним в очень раннем возрасте... хотя первым писателем-фантастом в моей жизни стал Джек Уильямсон, за которым последовали Де Камп и Питер Шуйлер Миллер — вперед, к «Genus Homo»¹! Вероятно, потому, что на меня очень рано и очень сильно повлиял язык его письма и тот факт, что он помог мне понять, чем занимается научная фантастика, да и само человечество как таковое. Хайнлайн был невероятно красноречивым оратором, когда дело доходило до его воззрений, и он не боялся менять эти воззрения (или *отказываться* их менять), и все же он никогда не злоупотреблял этим в ущерб своим историям. Он писал мускулистую прозу. Он очень тщательно выбирал глаголы. Он не боялся разговорного языка. Он знал, как создавать целые миры с помощью мозаики деталей, встроенных в стены его

¹ Роман, написанный Миллером и Де Кампом в соавторстве.

историй. И он знал, как показать компетентного персонажа, столкнувшегося с проблемами, и в то же время уметь донести ощущение чуда, восторга перед масштабом и размером вселенной, в которой обнаружились эти проблемы. И в своих произведениях для юношества он проявил экстраординарную способность донести эти вещи до юных читателей.

Я обнаружил большую глубину в его историях после того, как сам повзрослел, но это потому, что я *осознал* само наличие этой глубины, а не потому, что ее там не было. Помню свою реакцию на Сэма из романа «Астронавт Джонс». Первый раз, когда я читал книгу, я признал в нем наставника, хорошего взрослого, и я видел в его гибели героический поступок. Но я упустил глубину смысла, заключенного в эпитафии «Он съел то, что было предложено ему¹». Это был весь Хайнлайн в двух словах: ответственное человеческое существо, компетентное человеческое существо, человеческое существо, которое знает, как отважно умереть, столкнувшись с ситуацией, когда надо спасти женщин и детей. Не потому, что считает себя героем, нет, всего лишь потому, что *так поступают* ответственные люди. Сэм ли это, Подкейн, «Кип» Рассел, Пиви, Мэмми², лейтенант Далквист, Лазарус Лонг и «Логарифмическая линейка» Либби, или «Мэнни» О'Кэлли-Дэвис и Майк, его протагонисты есть то, что они есть, и они всегда делают то, что *сами* считают правильным.

Ребенком-читателем я на самом деле не осознавал ни социально противоречивые аспекты текстов Хайнлайна, ни то искусство, с которым он вставлял упоминания о них. Он был, конечно, продуктом своего времени — он всего на семь лет моложе, чем моя бабушка, — и это видно, особенно в некоторых его темах и, вероятно, в характеристиках его героинь, которые читателю двадцать первого века могут показаться невероятно стереотипными. Учитывая, что ему было семь лет, когда началась Первая мировая (эхо Вудро Вильсона Смита, кто-нибудь подумал об этом?), на самом деле должно удивлять то, насколько часто он *избегал* стереотипов. Его оппозиция расизму была жесткой и в то же время тонкой, он, как и Пайпер, сумел перейти от женщин как элементов реквизита к женщинам как полноценным

¹ Отсылка к Евангелию от Луки, 10:8: «И если придете в какой город и примут вас, ешьте, что вам предложат».

² *Mother Thing* — «Материнское Создание», она же Мамми, Материния и т. п. Галактический коп из романа «Имею скафандр — готов путешествовать». — *Прим. С. В. Голд.*

характерам. Иногда они брали фальшивые ноты, но Хайнлайн не комплексовал по этому поводу. Он всегда был готов встретить стрелы и камни, летящие в него за истории, в которых он рассказывал о том, что *сам* считал необходимым рассказать. Несомненно, ему польстили бы эти камни и стрелы — ведь шрамы от них он воспринимал как знаки чести — если бы ему не приходилось так часто иметь дело с редакторским упорством. Я пришел к мнению, что «Подкейн» в том виде, в каком она была опубликована, — хорошая, сильная история; однако измененная концовка слегка изменила всю историю, которую хотел рассказать *Хайнлайн*. Я думаю, что, если бы ему позволили напечатать оригинальную рукопись, читатели легче бы распознали предостережение, которое автор имел в виду, когда писал роман.

Несмотря на вполне заслуженные похвалы, которые получили в свой адрес «Чужак в стране чужой» и «Луна — суровая хозяйка», и, несмотря на мою особую любовь ко второму из этих текстов, я искренне считаю, что величайшим вкладом Хайнлайна в эту область стали его произведения для подростков. Он отказывался писать «упрощенно» для подростков. Читатели Хайнлайна были *молоды*, но он не относился к ним как к младенцам, и он бросал им вызов, поднимая чертовски взрослые темы. Но в первую очередь он насыщал свои тексты ощущением чуда и концепцией — *верой*, — что будущее — это то, что мы создаем по своему выбору. Оно будет таким, каким его сделаем мы, человеческие существа, когда достигнем его, вынырнем его и будем защищать. Поколения астронавтов, ученых, изобретателей — и писателей — подвергались воздействию этого ощущения и этой веры. Хайнлайн был их проводником, беспардонным, иногда едким, иногда забавным, но всегда интересным. Часто он выступал в роли наставника.

И его книги остаются в печати сегодня, через тридцать лет после его смерти, поскольку он *все еще играет эту роль*. Конечно, наука меняется, общества проходят через эволюцию и революции, и мы добрались до мест, которых даже Роберт Хайнлайн не мог предвидеть, когда писал «Линию жизни»¹ в 1939-м. Все это невозможно отрицать. Однако Хайнлайна продолжают читать сегодня, поскольку он все тот же беспардонный *Хайнлайн*.

И, черт побери, этот человек умел писать.

Дэвид Вебер

¹ Дебютный рассказ Хайнлайна.

ПОГОНЯ ЗА ПАНКЕРОЙ

Уолтеру и Мэрион Минтон

Зебадия

— Он — Безумный Ученый, а я — его Прекрасная Дочь. Именно так она и сказала: древнейшее клише из палп-фикшн, хотя она была слишком молода, чтобы помнить палп.

Когда кто-то говорит глупость, лучше сделать вид, что ты ее не слышал. Я продолжил вальсировать, не забыв бросить очередной взгляд в декольте ее вечернего платья. Отличный вид. Никаких вкладок.

Она умела вальсировать. Сейчас большинство девушек, прикоснувшихся к миру бальных танцев, вешаются тебе на шею и ожидают, что ты будешь таскать их по паркету. Она уверенно держалась на собственных ногах, танцевала близко, но не прижималась, и знала, что я собираюсь сделать, за долю секунды до того, как я приступал к исполнению. Идеальная партнерша.

— Ну? — в голосе ее прозвучала настойчивость.

Мой дед по отцовской линии, неприглядный старый реакционер, фем-либералки его бы с удовольствием линчевали, обычно говорил: «Зебадия, наша ошибка не в том, что мы надели на них туфли или научили их читать... мы не должны были учить их говорить!»

Я намекнул на вращение легким давлением; она отплыла, кружась, и вернулась в мои руки точно в такт. Я глянул на ее руки и внешние уголки глаз. Да, она на самом деле молода — минимум восемнадцать; Хильда Корнерс никогда бы не позволила «ребенку» по документам оказаться на своей вечеринке... максимум двадцать пять, в первом приближении двадцать два. И все же танцевала так, как умело только поколение ее бабушек.

— Ну? — повторила она еще более настойчиво.

— Ключевые символы высказывания «безумный», «ученый», «прекрасная» и «дочь». Первый имеет несколько значений, а остальные обозначают субъективную оценку. Семантическое содержание высказывания: ноль.

Она не рассердилась — скорее, задумалась.

— Папа не страдает бешенством... хотя, называя его «безумным», я действительно имела в виду двусмысленное значение. Соглашусь, что «ученый» и «прекрасная» содержат субъективную оценку. Но разве мой пол может вызывать сомнения? А если и так, то хватит ли у вас квалификации проверить у меня наличие двадцать третьей пары хромосом? Транссексуальная хирургия сейчас в моде, и менее радикальные методы вас не удовлетворят, я полагаю?

— Я предпочел бы полевые испытания.

— Прямо *здесь*, в танцевальном зале?

— Нет, в кустах за бассейном. И да, я квалифицирован — как для лабораторных, так и для полевых исследований. Однако вовсе не ваш пол находится в области субъективной оценки... этот факт может быть точно установлен... вот эти два весомых доказательства выглядят очень убедительно. Я...

— Девяносто пять сантиметров не так много! По крайней мере, для моего роста. Метр семьдесят босиком и метр восемьдесят на этих каблуках. Просто у меня осиная талия: сорок восемь сантиметров, хотя вешу я пятьдесят девять кило.

— А еще у вас собственные зубы и нет перхоти. Расслабьтесь, Диди, я не собираюсь покушаться на вашу гордость. Однако символ «дочь» включает два утверждения: одно фактическое — пол, а второе — предмет субъективной оценки, даже когда оно подтверждено криминалистом-генетогематологом.

— Ух ты, какие длинные слова вы знаете, мистер! Я хотела сказать, «доктор».

— «Мистера» вполне достаточно. В этом кампусе у каждой собаки докторская степень. Даже у меня есть «д. ф.»¹. Знаете, что это значит?

¹ *Доктор философии* — весьма расплывчатая ученая степень, присваиваемая в США. Примерно соответствует кандидату наук в РФ. — *Прим. С. В. Голд.*

— Кто же этого не знает? У меня тоже «д.ф.». «Доказавший Фигню».

Я быстренько переоценил ее возраст, подняв во втором приближении до двадцати шести.

— «Ф» — надо полагать, «Физическое воспитание»?

— Мистер доктор, вы напрасно пытаетесь меня достать. Не сработает. Я специализировалась по двум направлениям, и одним из них действительно было физвоспитание, просто на случай, если мне понадобится работа. Но моей основной специальностью была математика, и именно ей я занималась в аспирантуре.

— А я был готов предположить, что «Ди-Ти» означает «Доктор Теологии».

— Вымойте рот с мылом, мистер. Мое прозвище всего лишь мои инициалы — Ди Ти. Доктор Д. Т. Берроуз, если быть формальной, поскольку я не могу быть «мистером» и отказываюсь быть «миз»¹ или «мисс». Вот что, мистер, я полагала, что привлекла вас своей ослепительной красотой, потом поймаю на крючок женского обаяния... но что-то пошло не так. Попробуем другой способ. Расскажите мне, какую именно фигню вы доказали.

— Дайте подумать. Что же это было? Рыбная ловля нахлыстом? Или плетение корзин? В общем, какая-то междисциплинарная тема, такие диссертации никто не читает, ученый совет на защите просто взвешивает их на весах, и все. Вот что я вам скажу. У меня где-то в архивах есть ее экземпляр. Я при случае разыщу его и посмотрю, как ее назвал тот парнишка, который ее написал.

— Можете не беспокоиться. Она называется «Некоторые особенности шестимерного неньютонова континуума». Папа хочет ее с вами обсудить.

Я прекратил вальсировать.

— Ох. Ему бы лучше обсудить эту работу с тем парнем, который ее написал.

— Чепуха. Я видела, как вы моргнули, — вы попались. Папа хочет обсудить ее, а затем предложить вам работу.

¹ *Миз* — нейтральное обращение к женщине, не отражающее ее семейное положение, в отличие от «мисс» и «миссис». — *Прим. С. В. Голд.*

— Работу? Ну, нет — считайте, что я сорвался с крючка.

— О боже! Теперь папа *действительно* обезумеет. Ну пожалуйста, а? Пожалуйста, сэр!

— Вы сказали, что имели в виду двусмысленное значение слова «безумный». Какие именно значения?

— А.. «Безумный» в смысле «сердитый», потому что коллеги не желают его слушать. А также в смысле «полоумный» — по мнению некоторых его коллег. Они говорят, что его работы — сплошная бессмыслица.

— А в них на самом деле есть смысл?

— Я не настолько хороший математик, сэр. В основном занимаюсь тем, что оптимизирую программное обеспечение. Детские игрушки по сравнению с n-мерными пространствами.

Я высказаться не успел — зазвучало «Голубое танго» и Дити растаяла у меня в руках. Если вы умеете танцевать танго, то вам не до разговоров.

Дити умела. После вечности чувственного восторга точно с последним аккордом мы вернулись в начальную позицию. Я поклонился и шаркнул ногой, она ответила глубоким реверансом.

— Спасибо, сэр.

— Фух. После такого танго партнеры обязаны пожениться.

— Нет проблем. Я сейчас же найду хозяйку и скажу папе. Пять минут? У главного входа или у бокового?

Ее лицо светилось тихим счастьем.

— Дити, — спросил я. — Вы не шутите? Вы действительно решили выйти за меня замуж? За совершенно незнакомого вам человека?

Ее лицо осталось невозмутимым, но свет в нем погас.

Она ответила без колебаний:

— После такого танго мы не можем называться незнакомцами. Я истолковала ваши слова как предложение... нет, как выражение *желания*... жениться на мне. Неужели я ошиблась?

Мой мозг переключился в режим чрезвычайной ситуации, пересматривая прошедшие годы, то же самое испытывает тонущий человек, перед глазами которого вспышками проносятся вся его жизнь... гм, откуда это вообще известно? Дождливый вечер, когда старшая сестра приятеля посвятила меня в тайны

секса; любопытное ощущение, которое я испытал, когда незнакомка принялась глазеть на меня в ответ; двенадцатимесячный контракт на совместное проживание, который начался со взрыва эмоций и закончился без сожаления; и те бесчисленные события, после которых я принял решение никогда не жениться.

Я ответил немедленно:

— Я имел в виду именно это — брак в его старом, традиционном значении. Это то, чего я хочу. Но почему этого хотите *вы*? Я не такой уж подарок.

Она глубоко вздохнула.

— Сэр, вы тот самый подарок, за которым меня отправили, и когда вы сказали, что мы обязаны пожениться — я понимала, что это гипербола, — я внезапно ощутила себя такой счастливой и поняла, что *именно этого* способа поймать вас на крючок я бы хотела больше всего! — сообщила она. — Но я не буду ловить вас на слове и превратно толковать галантную фразу. Если хотите, можете утащить меня в кусты за бассейном... и потом *не* жениться... — после паузы она решительно продолжила: — Но за это... валяние на травке... вы расплатитесь тем, что поговорите с моим отцом и позволите ему кое-что вам показать.

— Дети, вы идиотка! Вы же испортите это чудесное платье.

— Испортить платье — такие пустяки, впрочем, я могу его снять. Легко. Тем более что под ним ничего нет.

— Под ним очень даже много всего!

Это вызвало у нее улыбку, но она быстро пропала.

— Спасибо. Ну что, отправляемся в кусты?

— Подождите-ка! Я как раз собрался побыть благородным человеком (и потом сожалеть об этом до конца моих дней). Вы совершили ошибку. Ваш отец не захочет говорить со мной, я ничего не понимаю в n-мерной геометрии!

(И откуда у меня эти приступы честности? Что я делаю не так, чем я их заслужил?)

— Папа думает, что ты знаешь, и этого достаточно. Теперь мы можем идти? Я хочу вытащить папу отсюда, пока он не врезал кому-нибудь по физиономии.

— Я сказал, что хочу *жениться* на вас, но мне хотелось бы знать, почему вы хотите выйти *за меня*. Вы же объяснили, что

от меня нужно вашему отцу. Но я не собираюсь жениться на вашем отце, он не в моем вкусе. Скажите от себя, Дити. Или оставим эту тему.

(Или я мазохист? Там, за кустами, есть пляжный лежак.)

Она торжественно оглядела меня с головы до ног, от вечерних легинсов до криво сидящей бабочки и короткого ежика на голове — сто девяносто четыре сантиметра большого неприглядного увальня.

— Мне нравится, как твердо ты ведешь в танце. Мне нравится, как ты выглядишь. Мне нравится, как звучит твой голос. Мне нравится, как виртуозно ты играешь со словами — звучит все так, словно Уорф спорит с Коржибски, а Шеннон¹ выступает в качестве арбитра, — она сделала глубокий вздох и закончила почти печально: — А больше всего мне нравится, как ты пахнешь.

Чтобы уловить мой запах, требовалось острое обоняние: девяносто минут назад я отмылся до скрипа, и нужно побольше одного вальса и одного танго, чтобы я вспотел. Однако Дити произнесла эту фразу так, что вложила в нее практически все, что нужно. Большинство девушек, желающих произвести впечатление на мужчину, не находят ничего лучше, чем стиснуть его бицепс и проворковать: «О боже, ты такой сильный!»

Я улыбнулся ей сверху вниз и сообщил:

— Ты тоже хорошо пахнешь. Твой парфюм способен поднимать из мертвых.

— Я не пользуюсь духами.

— О, поправка: твои природные феромоны. Они восхитительны. Забирай свою накидку. У бокового входа. Пять минут.

— Да, сэр.

— Скажи отцу, что мы с тобой женимся. И он получит свою беседу со мной бесплатно. Я так решил еще до того, как ты начала меня уговаривать. Думаю, ему не потребуется много времени, чтобы понять, что я не Лобачевский.

¹ Бенджамин Ли Уорф — американский ученый, один из создателей гипотезы лингвистической относительности. Альберт Коржибски — создатель теории «Общей семантики». Клод Элюд Шеннон — американский инженер и математик, заложивший основы теории информации.

— Это проблема папы, — ответила она на ходу. — Ты позволишь ему показать тебе ту штуку, которую он соорудил в подвале?

— Конечно, почему нет? А что там?

— Машина времени.

Зебадия

И завтра узрю я семь орлов парящих, и появится комета во весь небосклон, и голоса будут говорить со мной из вихрей, пророча чудовищные, ужасающие вещи... эта Вселенная никогда не имела смысла; подозреваю, ее построили в рамках правительственного контракта.

— Большой подвал?

— Средний. Девять на двенадцать. Но захламленный. Верстаки и станки.

Сто восемь квадратных метров... потолки, вероятно, два с половиной... Неужели ее папочка просчитался, как тот парень, что построил лодку у себя в подвале?

Мои размышления были прерваны зычным мужским криком:

— Ты заучившийся педант и бездарь! Твоя математическая интуиция замерзла насмерть в тот день, когда тебя приняли в колледж!

Я не узнал кричавшего, зато прекрасно знал того надутого типа, к которому он обращался: профессор Нейл О'Херет Брэйн, декан математического факультета — помоги, Господи, тому студенту, что напишет заявление на имя «профессора Н. О. Брэйна» или даже «Н. О'Х Брэйна»¹. Брэйни потратил жизнь на поиски Истины... чтобы поместить ее под домашний арест.

Сейчас он раздулся, точно бойцовый голубь, и принял вид оскорбленной жреческой помпезности. У него было такое выражение на лице, будто он собирается произвести на свет дикобраза.

¹ *No Brain* или *Noh Brain* в переводе с английского означает «не мозг» или просто «безмозглый». — *Прим. С. В. Голд.*

Дити ахнула.

— Началось! — воскликнула она и ринулась туда, где разгорался скандал.

Я стараюсь держаться подальше от скандалов, я профессиональный трус и ношу очки без диоптрий в качестве буфера — пока какой-нибудь задира вопит: «А ну сними свои стеклышки!», я успеваю убраться.

Я двинулся напрямик к месту свары.

Дити уже вклинилась между противниками, лицом к кричавшему, и тихо, но твердо сказала:

— Папа, ты не посмеешь! Я не буду вносить за тебя залог!

Она потянулась к его очкам с очевидным намерением вернуть их обратно на нос. Очевидно, папочка снял их перед битвой... и сейчас пытался убрать подальше от рук дочери. Но я сумел дотянуться поверх голов, вырвал из рук очки и вручил Дити. Она благодарно улыбнулась и немедленно водрузила волшебные стеклышки на отца.

Он не стал сопротивляться, так что она схватила его за локоть и позвала:

— Тетя Хильда!

Рядом образовалась наша хозяйка.

— Да, Дити? Почему ты их остановила, дорогая? Мы даже не успели сделать ставки.

Драки не в новинку на вечеринках «Язвы» Корнерс — они тут в порядке вещей. Угощение и выпивка у нее всегда роскошные, музыка всегда живая, гости частенько эксцентричные, но скучных здесь не было никогда. Я был удивлен появлением здесь профессора Н. О. Брэйна.

Теперь я понимал, зачем он здесь: это было спланированное соединение взрывоопасных компонентов.

Дити проигнорировала вопрос.

— Тетя Хильда, ты нас извинишь, если мы с папой и с мистером Картером сейчас уйдем? У нас появилось срочное дело.

— Ты и Джейк можете уйти, если нужно. Но вы не можете утащить Зебби. Дити, это нечестно!

Дити посмотрела на меня:

— Можно я ей скажу?

— Что? Ну конечно!

Идиот «Брэйни» выбрал именно этот момент, чтобы вмешаться:

— Миссис Корнерс, доктор Берроуз не может уйти, пока он не извинится! Я настаиваю. Это мое право!

Наша хозяйка глянула на него с презрением.

— Merde¹, профессор. Не путайте меня со своими преподами. Вы можете наорать на Джейка Берроуза, если вам так хочется. Если вы способны состязаться с ним в сквернословии на равных, мы с удовольствием слушаем. Но еще *хоть одно слово* приказным тоном в мой адрес или в адрес одного из моих гостей... и вы вылетите отсюда пулей! В этом случае вам лучше всего будет отправиться прямо домой — ректор уже начнет вас искать... — и Хильда повернулась к нему спиной. — Дити, ты хотела что-то мне сказать?

«Язва» Корнерс способна запугать даже налогового инспектора, и она ведь еще не взялась за «Брэйни» всерьез, всего лишь сделала предупредительный выстрел в его сторону. Но по его лицу можно было подумать, что она расстреляла его в упор.

Однако ее вопрос Дити не оставил мне времени наблюдать, хватит его удар или нет.

— Не Дити, Хильда, — сказал я. — А я, Зеб.

— Помолчи, Зебби. Чего бы это ни было, мой ответ будет «нет». Ну, Дити? Говори, дорогая.

У Хильды Корнерс в родне наверняка были упрямые мулы. Бейсбольную битку против нее в ход не пустишь, поскольку росту в ней — мне до подмышки, а весит она сорок один килограмм. Поэтому я просто взял ее за локотки и аккуратно развернул лицом к себе.

— Хильда, мы собираемся пожениться.

— Зебби, дорогой! Я уж думала, ты *никогда* мне этого не скажешь.

— Да не с тобой, старая хищница. С Дити. Я сделал предложение, она его приняла. Теперь я спешу оформить документы, пока анестезия не выветрилась.

¹ Merde — дерьмо (фр.). — Прим. С. В. Голд.

Хильда выглядела весьма заинтересованной.

— Звучит разумно, — заметила она и вытянула шею, чтобы посмотреть на Дити. — Он уже рассказал о своей жене в Бостоне, дорогая? И о малютках-близнецах?

Я поставил ее обратно на пол.

— Сбавь тон, Язвочка. Все серьезно. Доктор Берроуз, я не женат, в добром здравии, платежеспособен и могу содержать семью. Я надеюсь, вы одобрите наш брак.

— Папа говорит «да», — влезла Дити. — У меня доверенность на ведение дел от его имени.

— Ты тоже сбавь тон, Дити. Мое имя Картер, сэр... Зеб Картер. Я живу в этом кампусе. Можете навести обо мне справки. Но я хотел бы жениться на Дити прямо сейчас, если она не против.

— Я знаю ваше имя и уже навел справки, сэр. Мое одобрение не требуется, Дити совершеннолетняя. Но в любом случае вы его получаете, — доктор Берроуз задумчиво нахмурил брови. — Если вы женитесь прямо сейчас, то будете слишком заняты, и деловой разговор откладывается. Или вы найдете время?

— Пап, он найдет время, мы обо всем договорились.

— Да? Спасибо, Хильда, за чудесный вечер. Я позвоню тебе завтра.

— Ты ничего подобного не сделаешь. Ты вернешься обратно сразу же и доложишь лично по всей форме. Джейк, ты не поедешь с ними в медовый месяц. Даже не думай.

— Тетя Хильда! Пожалуйста! Я сама все устрою!

Через боковую дверь мы вышли почти по расписанию, но зацепились языками у входа на парковку — на чьей машине лететь. Моя рассчитана на двоих, но может вместить четверых, задние сиденья вполне подходят для коротких путешествий. У них был четырехместный семейный седан, не быстрый, но вместительный — и в нем лежал их багаж.

— Как много багажа? — спросил я у Дити, представив два солидных рюкзака на одном из моих задних сидений и потенциального тестя — на другом.

— У меня не так много, но у папы две большие сумки и толстый кейс. Давай я лучше покажу.

(Вот черт.)

— Может быть, ваша машина и лучше...

Я люблю свою тачку и терпеть не могу водить чужие машины. Возможно, Дити управляется с рулем так же изящно, как с партнером по танцам... но я не мог быть в этом уверен — а я трус. Ее отца я вовсе не принимал в расчет, я бы никогда не доверил свою шкуру водителю с таким темпераментом. Может быть, Дити уговорит его двинуться отдельно, следом за нами? Я был твердо уверен, что моя невеста поедет только со мной!

— Где она? — уточнил я.

— Вон там, в дальнем углу. Сейчас я открою ее и включу фары, — она залезла к отцу во внутренний карман пиджака и вытащила «волшебную палочку».

— Ребенка забыли! — раздался крик нашей хозяйки.

Хильда сбегала по ступенькам от своего дома, на одной руке болталась сумочка, а на другой, словно флаг, развевались примерно восемь тысяч нью-долларов в виде норковой накидки цвета заката.

Дискуссия вспыхнула с новой силой.

Похоже, Язва решила отправиться с нами, чтобы лично проследить за поведением Джейка. Она задержалась только для того, чтобы выдать указания Макс — исполняет обязанности вышибалы-дворецкого-шофера, — как обходиться с пьяными: кого вышвыривать вон, а кого укрывать одеялом при необходимости.

Выслушав доводы Дити, она кивнула:

— Решено. Я могу вести вашу машину, и мы поедем с Джейком. А ты поедешь с Зебби, дорогая, — повернувшись ко мне, она добавила: — Не разгоняйся особенно, Зебби, чтобы я не отстала. И без фокусов, дружок. Не пытайся избавиться от нас, а не то тебе сядет на хвост вся местная полиция.

Я посмотрел на нее невинными глазами младенца.

— Ну же, Язвочка, дорогая, ты же не думаешь, что я способен на такое?

— Да ты бы и мэрию спер, если бы придумал, как ее увезти. Кто вывалил тот бочонок фруктового желе в мой бассейн?

— Я был в это время в Африке, ты же знаешь.

— Рассказывай! Дити, дорогая, держи его на коротком поводке и не корми мясом. И не упускай его — он парень с деньгами. Ну, где твоя дистанционка? И где ваша машина?

— Вот, — Дити подняла «волшебную палочку» и нажала кнопку.

Я сгреб всех троих в охапку и повалил на землю. Мы ударились об асфальт ровно в тот момент, когда взрыв разметал все вокруг. Все, кроме нас. Корпуса машин приняли удар на себя.

Зебадия

Не спрашивайте меня как. Спросите у гимнаста на трапеции, как он делает тройное сальто. Спросите у игрока в кости, откуда он знает, что сейчас ему повезет. Но не спрашивайте меня, как я узнаю о том дерьме, что через секунду прилетит в вентилятор.

Мое шестое чувство никогда не сообщает мне ненужных подробностей. Я не знаю заранее, что в конверте, пока не открою его (за исключением того случая, когда в нем была бомба). У меня нет предчувствий по поводу безвредных событий. Но внезапное озарение за доли секунды до того, как все полетит к чертям, сохранило меня живым и сравнительно неповрежденным, в эпоху, когда стать жертвой убийства проще, чем умереть от рака, а любимая форма суицида — залечь с винтовкой на какой-нибудь башне и палить оттуда в прохожих, пока спецназ не прикончит тебя самого.

Нет, я не вижу за поворотом машину, которая вот-вот вылетит на встречу, я просто на автомате съезжаю в кювет. Когда случилось землетрясение в Сан-Андреасе, я выпрыгнул из окна и в момент толчка был под открытым небом — недоумевая, зачем я это сделал.

А помимо подобных случаев мое шестое чувство очень капризно; похоже, я дешево купил его на распродаже излишков военного имущества.

Мы распростерлись на земле, и я прикрыл всех троих сверху — и тут же вскочил на ноги, чтобы никого не раздавить. Сначала подал руку каждой из женщин, а потом помог папочке встать на ноги. Никто, по всей видимости, не пострадал. Дити с невозмутимым лицом смотрела на пламя, вздымавшееся там, где только что стояла их машина. Ее отец что-то искал на земле, пока Дити его не остановила:

— Вот они, папа, — после чего водрузила очки на место.

— Спасибо, дорогая, — и он направился к месту взрыва.

Я сцапал его за плечо.

— Нет! В мою машину — быстро!

— Э? Мой кейс... Он мог уцелеть!

— Заткнись и двигайся! Все за мной!

— Папа, не спорь! — Дити вцепилась в руку Хильды, и мы запихали старшее поколение на задние места.

Я втиснул Дити на переднее и рывкнул:

— Ремни!

Захлопнул дверь и обежал машину так быстро, что наверняка преодолел звуковой барьер.

— Ремни пристегнуты? — осведомился я, управившись с собственным.

— Джейк пристегнулся, и я тоже, Зебби, дорогой, — весело сообщила Хильда.

— Ремень пристегнут, дверца заперта, — доложила Дити.

Мотор был прогрет, я оставил его включенным на малых оборотах — какой смысл в скоростной машине, если она не может рвануть с места? Я переключился на полные обороты, глянул на приборную панель и, не включая фар, отжал тормоз.

В пределах городской черты фибиям¹ предписано передвигаться «без отрыва от земли» — поэтому моя машинка и метра по земле не прокатилась, как я поднял ее нос к небу, и она взмыла вертикально вверх прямо с парковки.

Полтысячи метров вертикально, пока счетчик перегрузки отсчитывал — два, три, четыре «же». Я позволил ему добраться до пяти и придержал коней, поскольку не был уверен, что сердце

¹ В оригинале «duo» — наземно-летающий автомобиль. — *Прим. С. В. Голд.*

папочки выдержит такую перегрузку. Когда альтиметр показал четыре километра, я отрубил вообще все — двигатель, транспондер, приборы, потом ударил по кнопке сброса ложных целей — и отправил машину лететь по баллистической траектории.

Я не знал, отслеживает нас кто-то или нет, — и не хотел этого узнавать.

Когда альтиметр показал, что мы добрались до верхней точки, я позволил крыльям немного раскрыться. Почувствовав, что они зацепились за воздух, я сделал быструю бочку, выпустил крылья в дозвуковую конфигурацию, и мы перешли в планирующий полет.

— Все живы? — спросил я.

Хильда захихикала.

— Вау, дорогой! Сделай это снова! И в этот раз кто-нибудь поцелуйте меня.

— Замолчи, бесстыжая старая развратница! Папа, вы как?

— Я в порядке, сынок.

— Дити?

— У меня все хорошо.

— Там, на парковке, ты не ушиблась?

— Нет, сэр. Я развернулась в падении, приняла удар на правую ягодицу и поймала папины очки. Но в следующий раз постарайся, чтобы подо мной была кровать. Или хотя бы спортивный мат потолка.

— Я запомню, — я включил радио, но не транспондер, и прошелся по всем полицейским частотам. Если кто-то и заметил наши выкрутасы, то не обсуждал их в прямом эфире. Мы снизились до двух километров, я резко повернул направо и включил двигатель. — Дити, где вы живете?

— Логан, Юта.

— Как быстро там можно зарегистрировать брак?

— Зебби, — влезла Хильда. — В Юте нет времени ожидания...

— Итак, мы отправляемся в Логан.

— ...но требуется анализ крови. Дити, дорогая, ты знаешь кличку Зебби в кампусе? Вассер-позитив¹. Зебби, все знают, что Невада — единственный штат, который предлагает круглосу-

¹ С помощью реакции Вассермана определяют наличие сифилиса.

точное обслуживание, без времени ожидания и анализа крови. Поэтому нацеливай свою ракету на Рино и выжми сцепление.

— Язвочка, дорогая, — сказал я нежно, — не хочешь ли ты прогуляться домой пешком с высоты в две тысячи метров?

— Не знаю, никогда не пробовала.

— Ваше сиденье катапультируется... правда, без парашюта.

— О, как романтично! Джейк, дорогой, мы будем петь «Liebestod»¹ по пути вниз. Придется тебе быть тенором, я выдавлю из себя сопрано, и мы умрем в объятиях друг друга. Зебби, нельзя ли подняться повыше? Чтобы мы успели допеть.

— Доктор Берроуз, воткните кляп своей попутчице. Язвочка, «Liebestod» — сольная партия.

— Вот зануда! Наша смерть по прибытии все спишет. А ты просто завидуешь, ведь у тебя нет слуха. Кстати, я говорила малышу Дикки, что это должен быть дуэт, и Козима² меня поддержала...

— Язвочка, держи свой лживый рот на замке, пока я говорю. Во-первых: все на твоей вечеринке знают, зачем мы уехали, поэтому решат, что мы отправились в Рино. Ты же наверняка всем об этом растрепала, уходя...

— Ну, может быть... Ой, да, точно!

— Заткнись. Некто совершил очень профессиональную попытку убить доктора Берроуза. Не просто убить, а уничтожить с гарантией. Такая комбинация взрывчатки и термита не должна была оставить ничего, даже для анализа ДНК. Но вполне возможно, что никто не видел, как мы взлетели. Мы оказались в моей тачке, и я газанул менее чем через тридцать секунд после того, как сработала мина-ловушка. Случайные свидетели, если они были, смотрели бы на огонь, а не на нас. А *неслучайных* там бы просто не было. Профессионал, способный заминировать машину, либо прячется в убежище, либо пересекает границу штата и исчезает. А вот кое-кто из тех, кто заплатил за это раз-

¹ Сцена гибели Тристана из оперы Рихарда Вагнера «Тристан и Изольда».

² *Дик* — уменьшительное от Ричард (Рихард). *Козима* — жена Вагнера. — *Прим. С. В. Голд.*

влечение, могли быть рядом. И если они там были, Хильда, то они были в твоём доме.

— Один из моих *гостей*?

— Ой, брось, Язва, моральный уровень твоих гостей тебя никогда не волновал. Тебе всегда было достаточно, чтобы они умели швыряться тортиками с заварным кремом, устраивать импровизированный стриптиз или еще какие-нибудь шуточки, чтобы на вечеринке никто не заскучал. Нет, я не думаю, что главный злодей был на вечеринке — я имел в виду, что он не стал бы торчать там, где его могут сцапать. Но твой дом был лучшим местом, чтобы спрятаться и наблюдать за тем, как развиваются события. Кем бы он ни был, гостем или человеком с улицы, он *знал*, что доктор Берроуз придет на вечеринку. Хильда, кому был известен этот ключевой факт?

Она ответила с необычайной серьезностью:

— Я не знаю, Зебби. Мне надо подумать.

— Подумай как следует.

— М-м-м... их было немного. Несколько человек я пригласила из-за того, что должен был прийти Джейк. Например, тебя...

— Я уже догадался.

— ... но тебе я не сказала, что Джейк будет, а кое-кому сообщила — «Но Брэйни», например, — но я не могу представить, что этот старый дурак способен заминировать машину.

— Я тоже не могу, но настоящие убийцы не похожи на убийц, они похожи на обычных людей. Интересно, за сколько дней до вечеринки ты сказала Брэйни, что папа на ней будет?

— Я сказала, когда приглашала его. Это было... м-м-м... восемь дней назад.

Я вздохнул:

— Да, тогда в число подозреваемых попадает не только наш кампус, но и весь земной шар. Попробуем зайти с другой стороны. Доктор Берроуз, можете вы вспомнить кого-либо, кто бы желал вашей смерти?

— Таких полным-полно!

— Дайте я спрошу по-другому: кто ненавидит вас настолько, что готов убить заодно и вашу дочь, лишь бы достать вас? А еще случайных свидетелей вроде Хильды и меня. Нет, я не хочу

сказать, что мы такие важные, просто ему, похоже, наплевать, кто еще попадет под раздачу. А значит, это довольно ущербная личность. Аморальная. Так *кто же он?*

Папочка Берроуз заколебался.

— Доктор Картер, разногласия в математической среде могут быть экстремально горячими... я и сам небезгрешен...

(И не говори мне об этом, папаша!)

— ...но эти ссоры редко переходят в насилие. Даже смерть Архимеда была лишь косвенно связана с его... с нашей... профессией. Втянуть в это мою дочь... ну, даже доктор Брэйн, как бы он ни был мне неприятен, на это не способен.

— Зеб, а не могли они целиться в меня? — спросила Дити.

— Это *ты* мне скажи. Чью куклу ты сломала?

— Хм-м... Я не знаю никого, кто невзлюбил бы меня настолько, что захотел бы избавиться. Звучит глупо, но это правда.

— Да, это чистая правда, — снова влезла Язва. — Дити в этом отношении вся в мать. Когда мы с Джейн — это ее мать, и моя лучшая подруга до самого дня ее смерти — были соседками в колледже, я всегда влезала в разборки, а Джейн меня вечно из них вытаскивала, но сама никогда в них не участвовала. Она была миротворец. Такова и Дити.

— О'кей, Дити, значит, тебя вычеркиваем. Как и меня с Хильдой, поскольку тот, кто подложил бомбу, не мог предвидеть, что один из нас будет в зоне поражения. Поэтому они целились именно в папочку. Кто именно — мы не знаем, почему — мы не знаем. Когда мы разберемся — почему, то мы будем знать — кто. А пока нам нужно убрать папу с опасной территории. Я собираюсь жениться на тебе как можно быстрее не только потому, что ты хорошо пахнешь, но и для того, чтобы у меня было законное право участвовать в этой битве.

— Поэтому мы первым делом летим в Рино.

— Помолчи, Язва. Мы взяли курс в сторону Рино в тот момент, когда я выравнивал полет.

Я включил транспондер, но перекинул тумблер не вправо, а влево ... теперь он будет выдавать зарегистрированный, легальный сигнал, но не тот, что выдан на мое имя. Подобное усовершенствование стоило мне некоторого количества шекс-

лей, которые мне все равно не нужны, зато с радостью были приняты одним молчаливым семьянином из Индио. Иногда бывает полезно пересекать границу штата, оставаясь неузнанным воздушными копами.

— Но мы не направляемся в Рино. Все эти ковбойские скачки я делал для того, чтобы обмануть глаз, радар и тепловые детекторы. Маневр уклонения от тепловых детекторов — тот резкий поворот, который мы сделали во время планирования — либо сработал, либо был излишним, если у нас на хвосте не было ракет. Скорее всего, излишним — люди, которые подкладывают в машину бомбу, вряд ли готовятся сбивать фибии на лету. Но я не был в этом уверен, поэтому я изобразил тот нырок. Наверняка считается, что мы погибли при взрыве или в пожаре, и эта версия продержится, пока там все не остынет и не рассветет достаточно для работы полиции. Возможно, она продержится еще какое-то время, поскольку копы могут воздержаться от заявлений, что они не сумели найти органические останки. Но я должен предположить, что «профессора Мориарти» мы не одурачили, что он наблюдает за экраном радара в секретной штаб-квартире и знает, что мы направляемся в Рино. И поэтому некие враждебные действия ожидают нас там. Отправимся мы туда? Нет. А теперь потише, пожалуйста, я должен объяснить этой малышке, куда лететь.

Компьютер-пилот моего автомобиля не умеет готовить, но то, что она умеет, она умеет делать хорошо. Я вызвал на дисплей карту, изменил масштаб, чтобы в поле зрения оказалась Юта, использовал световой карандаш, чтобы проложить маршрут — сложный, поскольку он закручивался вокруг Рино сначала на юг, потом обратно на север, дальше к востоку над пустынной территорией, и, оставив южнее базу ВВС в Хилл Рэндж, добирался до Логана. Я задал высоту над землей, предоставив ей самой делать поправки на рельеф местности, чтобы нас не трясло, и добавил к этому изменение скорости, как только мы окажемся вне досягаемости радаров Рино.

— Все ясно, девочка? — спросил я.

— Все ясно, Зеб.

— Сигнал за десять минут до прибытия.

— Сигнал за десять минут до конечной точки — принято.

— Ты Умница, Гэй.

— Готова поспорить, босс, ты всем девчонкам это говоришь.

Прием.

— Понял, конец связи, Гэй.

Дисплей погас.

Конечно, я запрограммировал свой автопилот так, чтобы он принимал план полета по нажатию кнопки «Выполнить». Но разве не приятнее, когда тебе отвечает теплое контральто? Впрочем, на самом деле я обращаюсь к «Умнице» при изменении плана полета для того, чтобы она опознала *мой* голос. Умелый электронщик может отключить блокировку машины и увести ее на ручном управлении. Но едва он попытается обратиться к автопилоту, машина не только не примет его программу, но и начнет звать на помощь на всех полицейских частотах. После этого автоугонщики чувствуют себя жалкими дилетантами.

Подняв взгляд, я обнаружил, что Дити внимательно наблюдает за моими операциями.

Я ждал вопроса, но Дити лишь сказала:

— У нее очень приятный голос, Зеб.

— «Гэй Обманщица» — вообще очень приятная девушка, Дити.

— И талантливая. Зеб, я никогда ранее не сидела в «Форде», который способен на такие вещи, на которые способен, способна... «Гэй Обманщица»?

— Когда мы поженимся, я вас представлю официально. Но нужно будет ее немного перепрограммировать.

— Мне не терпится познакомиться с ней.

— Познакомишься. Только Гэй не совсем «Форд». Внешний дизайн сделан канадским отделением «Форда». Но большая часть того, что внутри, когда-то принадлежала Силам самообороны Австралии. И я добавил парочку безделушек. Боулинг. Дамскую комнату. Веранду. Маленькие штришки для домашнего уюта.

— Я уверена, что она их ценит, Зеб. Я в этом не сомневаюсь. Подозреваю, без них мы были бы уже мертвее мертвого.

— Может быть, ты и права. Если так, то это не первый раз, когда Гэй спасает мою жизнь. Ты еще не видела всех ее талантов.

— Меня уже ничто не удивит. Даже то, что ты не велел ей приземлиться в Логане.

— Логан выглядит следующим местом, где нас может ждать «торжественная встреча». Кто в Логане знает, что вы с отцом будете у Хильды?

— Через меня — никто.

— Почта? Доставка молока? Газеты?

— Мы ничего не заказываем с доставкой на дом, Зеб, — она повернула голову. — Пап, кто-нибудь в Логане знает, куда мы поехали?

— Доктор Картер, насколько я могу судить, никто в Логане не знает, что мы куда-то уехали. Прожив много лет в кишашей сплетнями академической среде, я научился делать свою жизнь настолько частной, насколько возможно.

— Тогда я предлагаю, чтобы вы отстегнули ремни и поспали. Пока до Логана не останется десять минут лета, нам особенно нечего делать.

— Доктор Картер...

— Лучше зови меня Зеб, папа. Привыкай.

— Хорошо, пусть будет «Зеб», сынок. На странице восемьдесят семь твоей монографии, после уравнения под номером один-двадцать-один, когда ты рассуждаешь о вращении шестимерных пространств положительной кривизны, ты пишешь: «Из этого очевидно, что...», после чего сразу приводишь уравнение один-двадцать-два... Как ты это сделал? Нет, сэр, я не собираюсь возражать — наоборот! Но в моей неопубликованной статье я потратил дюжину страниц на то, чтобы получить то же самое преобразование. Ты пришел к нему интуитивно? Или ты лишь решил не вдаваться в детали? Никакой критики — что бы это ни было, я впечатлен — одно чистое любопытство.

— Доктор, я не писал эту работу. Я уже говорил Дити.

— Ой, да ладно! Два доктора Зебулона Э. Картера в одном кампусе? Ты это хочешь сказать?

— Нет. Но это не мое имя. Я — Зебадия Дж. Картер. Зебулон Э. Картер, то есть Эдвард, откликается на Эда, — мой

двоюродный брат. Кажется, он числится в списках кампуса, но на самом деле уехал на год работать по обмену в Сингапур. Это не так необычно, как выглядит, поскольку *все* мужчины в нашей семье получают первое имя, начинающееся с буквы «З». Все дело в деньгах, в завещании, в трастовом фонде и в том факте, что мои дед и прадед были немного эксцентричны.

— Как будто *ты* не такой, — сладеньким голоском сказала Хильда.

— Помолчи, дорогая, — я повернулся к Дити. — Дити, ты хочешь, чтобы я освободил тебя от обещания? *Я пытался* сказать тебе, что ты поймала не ту птичку.

— Зебадия...

— Да, Дити?

— Я собираюсь выйти за тебя замуж до окончания ночи. Но ты еще ни разу меня не поцеловал. Мне хочется быть поцелованной.

Я отстегнул ремень, принялся расстегивать ее и обнаружил, что она уже все сделала.

Дити целуется еще лучше, чем танцует танго.

Во время перерыва, сделанного из-за нехватки кислорода, я спросил ее шепотом:

— Дити, что значат твои инициалы?

— Ну... только не смейся.

— Я не буду. Но я должен знать, в чем дело — для церемонии.

— Я понимаю. Ну ладно, Ди Ти — это Дея Торис.

Дея Торис. Дея Торис Берроуз! Дея Торис *Картер*!!

Я не смог удержаться и вернул контроль над собой только после двух раскатов смеха. Слишком поздно.

— Ты обещал, что не будешь смеяться, — сказала она печально.

— Дорогая Дити, я смеялся не над *твоим* именем, я смеялся над *своим*.

— Я не думаю, что «Зебадия» — такое смешное имя. Оно мне нравится.

— Мне тоже. Оно не дает мне потеряться среди бесчисленных Томов, Эдов и Бобов. Но я не назвал свое второе имя. Как ты думаешь, какое смешное имя начинается на «Дж»?

— Даже гадать не буду.

— Давай я тебе подскажу. Я родился неподалеку от кампуса университета, основанного Томасом Джефферсоном. В тот день, когда меня выпустили из колледжа, я получил звание младшего лейтенанта аэрокосмического резерва. Меня повышали дважды. Мой второй инициал означает «Джон».

Ей потребовалось не больше секунды, чтобы сообразить:

— Капитан... Джон... Картер... из Виргинии.

— «Атлетически сложенный боец»¹, — подтвердил я. — Каор, Дея Торис. К вашим услугам, моя принцесса. Отныне и навеки!

— Каор, капитан Джон Картер. Гелиум готов принять вас².

И мы упали друг другу в объятия, завывая от смеха, но смех быстро затих и перешел в очередной поцелуй. Когда мы «всплыли», чтобы набрать в легкие немного воздуха, меня похлопала по плечу Хильда.

— Не посвятите ли нас в секрет этой шутки?

— Сказать ей, Дити?

— Не уверена. Тетя Хильда все разбалтывает.

— О, чепуха! Я знаю твоё полное имя, но никогда никому его не говорила. Ещё бы мне не знать — я же держала тебя на руках при крещении. Ох и мокрая же ты была тогда! С обоих концов. Ну, так что?

— Ну ладно, слушай: нам не нужно вступать в брак — мы давно женаты. Много лет. Больше ста.

— Что-что? — подал голос папочка. Я объяснил. Он подумал, затем кивнул: — Логично.

И тут же вернулся к своей записной книжке, в которой делал какие-то пометки. Потом опять обратился ко мне:

— Твой кузен Зебулон — он есть в телефонной книге?

— Вряд ли. Но он живет в отеле «Нью-Раффлз».

— Отлично. Я попробую и отель, и университет. Доктор... сынок... Зеб, не будешь ли ты столь любезен, чтобы сделать звонок? Мой код коммуникационного кредита — Неро Алеф

¹ Цитата из романа Э. Берроуза «Воины Марса». — Прим. С. В. Голд.

² Каор — марсианское приветствие. Капитан Джон Картер из Виргинии, Дея Торис — персонажи марсианского цикла Э. Берроуза. Гелиум — столица марсианской империи. — Прим. С. В. Голд.

восемь ноль один тире семь пять тире три девять три два Зет звездочка Зет.

(Кредитный рейтинг Z*Z — мне явно не придется содержать будущего тестя!)

— Папа, — вмешалась Дити, — ты не должен звонить профессору Картеру... Зебулону Картеру... в этот час.

— Но моя дорогая дочь, еще не так поздно...

— Понятно, что нет, я умею считать. Но ты хочешь попросить его о любезности, поэтому не прерывай его послеобеденный сон. Помнишь? «Бешеные псы и англичане»¹.

— Но в Сингапуре вовсе не полдень, там...

— ...время сиесты, еще жарче, чем в полдень. Так что подожди.

— Дити права, папа, — вмешался я, — но по другой причине. Мне кажется, позвонить ему именно сейчас — это ведь для тебя не вопрос жизни и смерти? Но это может стать вопросом жизни и смерти для нас — если ты сделаешь звонок из этой машины... особенно по твоему кредитному коду. Пока мы не разобрались, кто такие эти «парни в черных шляпах»², я бы советовал выходить на связь с земли, с общественных телефонов, которым можно скормить нью-доллары, а не код твоей кредитки. Скажем, из Пеории. Или из Падьюки. Ведь это может подождать?

— Ну, если ты смотришь на это дело таким образом... да, это может подождать. Хотя я до сих пор не могу поверить, что кто-то хочет меня убить.

— Доступные нам данные говорят об этом.

— Согласен. Но эмоционально я все еще это не принял.

— Чтобы до тебя достучаться, нужна хорошая бейсбольная бита, — заметила Хильда. — Мне пришлось сидеть на нем, чтобы не сбежал, пока Джейн делала ему предложение.

— Ну что ты, Хильда, дорогая, это абсолютно не соответствует действительности. Я написал своей прежней возлюбленной вежливую записку, в которой говорилось...

¹ «*Mad dogs and englishman*» — песня 1931 года Noel Coward, в ней поется о том, что под полуденное солнце выходят лишь бешеные собаки и англичане, а все остальные прячутся в тени. — *Прим. С.В. Голд.*

² В старых вестернах злодеи носили черные шляпы. — *Прим. С.В. Голд.*

Я оставил их препираться, а сам попытался дополнить имеющиеся у нас данные:

— «Гэй Обманщица».

— Да, босс?

— Новости, дорогая.

— Готова, босс.

— Параметры поиска. Время — от двадцати одного ноль-ноль. Регион — Калифорния, Невада, Юта. Персоны — твой добрый босс, дорогая; доктор Джейкоб Берроуз; доктор Д. Т. Берроуз; миз Хильда Корнерс... я на секунду заколебался, — профессор Нейл О'Херет Брэйн, — я почувствовал себя глуповато, но добавил «Брэйни», поскольку между ним и папой была ссора, а много лет назад мой лучший учитель сказал: «Никогда не пренебрегай так называемыми тривиальными корнями уравнения» — и добавил, что за тривиальные корни были присуждены две Нобелевские премии.

— Ввод параметров завершен, босс?

Доктор Берроуз дотронулся до моего плеча.

— Может твой компьютер поискать в новостях упоминания о твоём кузене?

— М-м-м. Может быть. Она хранит шестьдесят миллионов байт, потом стирает по принципу «последним поступило — последним ушло» все, что не перемещено в постоянную память. Но ее хранилище под новости на шестьдесят процентов ориентировано на Северную Америку. Я попробую. Умница!

— Жду команду, босс.

— Дополнение. Первый поиск по ранее введенным параметрам. Затем поиск по новой программе. Время — от настоящего момента до самого раннего вхождения. Регион — Сингапур. Персона — Зебулон Эдвард Картер, он же Эд Картер, он же доктор З.Е. Картер, он же профессор З.Е. Картер, он же профессор или доктор Картер из университета Раффлз.

— Две программы поиска обрабатываются последовательно. Принято, Зеб.

— Ты Умница, Гэй.

— Готова поспорить, босс, ты всем девчонкам это говоришь. Прием.

— Понял, конец связи, Гэй. Выполняй.

— Агентство АП, Сан-Франциско. Тайнственный взрыв нарушил академическую тишину... — сообщение закончилось обычным заявлением о том, что виновные будут арестованы «незамедлительно». Оно содержало один интересный факт — все мы числились мертвыми. Начальник местной полиции заявил, что у него есть версия, но он пока ничего не скажет — иными словами, ему было известно еще меньше, чем нам. Поскольку о нас говорили как о «предположительно погибших» и поскольку в новостях ничего не сообщалось о нелегальном взлете и прочих шалостях, которые могли обеспокоить воздушных копов, я рискнул предположить, что в поле зрения полицейских радаров мы не попадались, пока не превратились в одну из безобидных легальных отметок на экране. Отсутствие упоминаний о «Гэй Обманщице» меня не удивило, поскольку я прибыл едва ли не самым последним и мог явиться на такси, в общественной капсуле или вообще пешком. Доктора Брэйна не упомянули, ссору на вечеринке — тоже. Гостей допросили и отпустили. Пять машин, припаркованных рядом с местом взрыва, серьезно пострадали.

— Невада — нулевой результат. Юта — Агентство ЮПИ, Солт-Лейк-Сити. Пожар, случившийся неподалеку от кампуса государственного университета Юты в Логане, разрушил... — снова «Парни в Черных Шляпах», так что Дити и ее папочка оказались мертвыми дважды, поскольку, по версии следствия, они задохнулись в дыму и не смогли выбраться из горящего здания. Больше никто не пострадал и не пропал. Возгорание списали на неисправную электропроводку. — Завершение первого поиска, Зеб. Начинаю второй поиск.

Гэй замолчала.

— Папа, кто-то тебя сильно не любит, — спокойно заметил я.

— Погибло! Все погибло! — простонал он.

— У тебя не осталось копий твоих работ? И твоего... устройства?

— Что? Нет, нет! Это *гораздо* хуже! Моя коллекция антикварных журналов! «Weird Tales», «Argosy», «All-Story», первые выпуски Гернсбека, «The Shadow», «Black Mask» — ооо!

— Для папы это настоящий удар, — прошептала Дити, — я сама сейчас заплачу. Я же училась читать по этой коллекции. «War Aces», «Air Wonder», полный комплект «Astoundings» Клэйтона. Все это оценивалось в двести тринадцать тысяч нью-долларов. Журналы начал собирать дедушка, папа продолжил, ну а я выросла, читая все это.

— Мне жаль, Дити, — я обнял ее. — Вы должны были переснять все на пленку.

— Мы так и сделали. Но это не то же самое, что настоящие журналы у тебя в руках.

— Я понимаю. И... что насчет той штуки в подвале?

— Что за «штука в подвале»? — вмешалась Язва. — Зебби, ты выражаешься как Г.Ф. Лавкрафт!

— Не сейчас, Язва. Утешь Джейка, мы заняты. Гэй!

— Слушаю, Зеб. Какие проблемы?

— Карту на дисплей, пожалуйста.

Мы были на полпути где-то над северной Невадой.

— Прекратить движение по маршруту и перейти в свободный полет с крейсерской скоростью. Назови ближайшие столицы округов.

— Уиннематка и Элко находятся на равном расстоянии с погрешностью в один процент. Ориентировочный срок прибытия в Элко раньше, поскольку отклонение от нынешнего курса составит всего одиннадцать градусов к югу.

— Дити, ты хочешь выйти замуж в Элко?

— Зебадия, я в восторге от мысли выйти замуж в Элко.

— Значит, Элко, но надо еще чуточку подождать. Гэй, вектор на Элко и сажай нас. Обычная крейсерская скорость для частного транспорта. Доложи время прибытия в минутах.

— Поняла, выполняю. Элко. Девять минут семнадцать секунд.

— Ну-ну, Джейк, дорогой, успокойся, мамочка с тобой... — проворковала Хильда, а потом добавила обычным сержантским тоном: — Хватит вилять, Зебби! Что за «штука» и в каком она подвале?

— Язва, это тебя никак не касается. У папы была одна штука, теперь она уничтожена, и это все, что тебе необходимо знать.

— О нет, все не так, — сказал доктор Берроуз. — Зеб имеет в виду мой континуумоход, Хильда. Он в безопасности. Его не было в Логане.

— Что такое, во имя Небесного Пса, «континуумоход»?

— Папа имеет в виду свою машину времени, — объяснила Дити.

— Что же он сразу не сказал? Все знают «Машину времени». «Машина времени» Джорджа Пала — классическая вещь. Я сто раз смотрела ее на ночных показах.

— Язва, ты умеешь читать? — спросил я.

— Конечно, я умею читать! «Рем, не рой яму. Роза мерзнет на морозе». Я вам не дурочка какая-то.

— Ты когда-нибудь слышала о Герберте Уэллсе?

— Слышала? Да я с ним *спала*!

— Ты хвастливая старая шлюшка, но ты не настолько стара. Когда мистер Уэллс умер, ты еще была девственницей.

— Клевета! Ударь его, Джейк, он меня оскорбил!

— Я уверен, Зеб не хотел тебя оскорбить. И Дити не позволяет мне бить людей, даже когда это необходимо.

— Мы это изменим.

— Второй поиск завершен, — доложила «Гэй Обманщица». — Жду команду.

— Доложи результаты второго поиска, пожалуйста.

— Агентство «Рейтер», Сингапур. Об экспедиции Марстона на Суматре по-прежнему нет никаких известий, сообщают местные власти в Палембанге. Запланированная дата возвращения истекла тринадцать дней назад. Помимо профессора Марстона, местных проводников и ассистентов, в партию входят доктор З. Э. Картер, доктор Сесил Янг, а также мистер Джайлс Смайт-Белиша. Министр туризма и культуры заявил, что поиски будут продолжаться. Конец результатов поиска.

Бедный Эд. Мы никогда не были близки, но с ним никогда не случалось никаких трагедий. Мне бы хотелось надеяться, что он потерял голову от местной знойной красотки, а не от удара мачете в джунглях, но последнее казалось более вероятным.

— Папа, несколько минут назад я сказал, что кто-то очень тебя не любит. Я начинаю подозревать, что кто-то очень не любит специалистов по n -мерной геометрии.

— Похоже на то, Зеб. Я искренне надеюсь, что твой кузен в безопасности. Такой блестящий ум! Это была бы большая потеря для человечества!

«И для него самого», — добавил я мысленно.

И для меня, поскольку семейный долг требует, чтобы я что-то предпринял в этой связи. Однако в голове у меня сейчас только медовый месяц.

— Гэй.

— Слушаю, Зеб.

— Дополнение. Третья программа поиска новостей. Использовать все параметры второй программы. В регионы добавить Суматру. В объекты поиска добавить все имена собственные и названия, найденные во втором поиске. Результаты поиска поместить в постоянную память. Докладывать о результатах по мере поступления. Старт.

— В работе, босс.

— Ты хорошая девочка, Гэй.

— Спасибо, Зеб. Приземление в Элко через две минуты семь секунд.

Дити крепче сжала мне руку.

— Папа, как только я по закону стану миссис Джон Картер, я думаю, мы должны отправиться в Уютную Гавань.

— Что? Ну, разумеется.

— Ты тоже, тетя Хильда. Тебе может быть небезопасно возвращаться домой.

— Изменение в планах, дорогая. Это будет двойная свадьба. Джейк и я.

Дити выглядела взволнованной, но вовсе не расстроенной.

— Папа?

— Хильда наконец снизошла до того, чтобы выйти за меня.

— Вранье, — сказала Язва. — Джейкоб никогда не просил меня в прошлом, не просил и сейчас. И я сама это сделала. Подловила его, пока он расстраивался из-за своих комиксов и не мог защититься. Так было нужно, Дити. Я пообещала твоей матери позаботиться о Джейке, и я заботилась, с твоей помощью, до настоящего момента. Теперь на тебе будет Зебби, тебе придется смотреть, чтобы он не угодил в неприятности, вытирать ему

нос... так что я ухитрилась схватить Джейка за галстук и затащить под венец, чтобы сдержать обещание. Чтобы не забираться к нему в постель тайком, как раньше.

— Хильда, дорогая, ты никогда не бывала у меня в постели!

— Не позорь меня перед детьми, Джейк! Я обеспечила тебе тестовый прогон и только потом позволила Джейн связаться с тобой, и не вздумай это отрицать!

Джейк беспомощно пожал плечами:

— Как тебе угодно, дорогая Хильда.

— Тетя Хильда... ты и в самом деле любишь папу?

— Пошла бы я за него, если бы не любила? Я могла выполнить обещание, данное Джейн, более простым способом — отправив его в тихий домик к мозгоправам. Дити, я люблю Джейкоба больше, чем ты любишь его. Много больше! Но он любил Джейн... что говорит о том, что способен здраво мыслить, несмотря на странные выходки. Я не буду пытаться его изменить, я буду только следить, чтобы он носил ботинки и принимал витамины — то, чем занималась ты. Так что я останусь «тетей Хильдой» и не стану «матерью». Твоей мамой была и остается Джейн.

— Спасибо, тебя Хильда. Я думала, заполучив Зебадию, что буду счастлива так, как только может быть женщина. Но ты сделала меня еще счастливей. Мне не о чем теперь тревожиться.

(Зато *мне* было о чем тревожиться: типы без лиц, но в Черных Шляпах. Но я немедленно выкинул их из головы, потому что в этот момент Дити прижалась ко мне и начала убеждать, что все в порядке, что тетя Хильда не стала бы шутить по поводу брака с папой.)

— Дити, где эта ваша Уютная Гавань и что это такое?

— Это... укромное место. Убежище. Земля, которую папа взял в аренду у властей, когда решил построить настоящий искривитель времени, а не просто писать уравнения. Но нам придется дожидаться дня. Если только... может, «Гэй Обманщица» умеет находить цель по заданной широте и долготе?

— Конечно, умеет! И очень точно.

— Тогда все в порядке. Я могу дать координаты в градусах, минутах и долях секунд.

— Садимся, — предупредила Гэй.

Клерк округа в Элко не стал возражать, когда его выдернули из кровати, и выглядел довольным, когда я сунул ему сотенную бумажку. Окружная судья оказалась столь же контактной и убрала в карман свой гонорар, даже не взглянув на него. Я запнулся в одном месте, но все-таки сумел произнести: «Я, Зебадия Джон, беру тебя, Дею Торис...» Дити прошла через церемонию так же торжественно и уверенно, словно не раз ее репетировала. А Хильда все время шмыгала носом.

Хорошо, что Гэй умеет точно выходить на заданную цель, поскольку я был не в состоянии вести машину, даже при свете дня. Я дал ей координаты и велел идти зигзагами, чтобы подолгу не светиться на радарх, а последнюю сотню километров пройти в мертвой зоне Аризонской полосы, севернее Большого Каньона. Но перед посадкой я все же велел ей зависнуть и ждать какое-то время, пока я не уверюсь, что тут не случилось третьего пожара.

Но домик был из негорючих материалов, с подземным гаражом для Гэй — и я наконец-то расслабился.

Мы открыли бутылку сабли. Папа, похоже, хотел немедленно отправиться в подвал. Язве это не понравилось, ну а Дити просто проигнорировала.

Я перенес Дити через порог ее спальни, осторожно усадил ее лицом к себе и сказал:

— Дея Торис...

— Да, Джон Картер?

— У меня не было времени, чтобы купить тебе свадебный подарок...

— Мне не нужны подарки от моего капитана.

— Выслушай меня, моя принцесса. У моего дяди Замира не было такой хорошей коллекции, как у твоего отца... но могу я подарить тебе полный комплект «Astoundings» Клэйтона?

Она удивленно улыбнулась.

— ...и первое издание первых шести книг о Стране Оз, несколько потрепанных, но с оригинальными цветными иллюстрациями? И первое издание «Принцессы Марса»¹ в почти безупречном состоянии?

¹ Первый роман Эдгара Берроуза о Джоне Картере и Дее Торис.

Улыбка ее стала шире, и Дити стала похожа на девятилетнюю девочку.

— Да!

— Примет ли твой отец полный комплект «Weird Tales»?

— Примет! Нордвест Смит и Джирел из Джойри¹? Я буду брать их у него почитать, иначе не видать ему моей Страны Оз! Я упрямая, еще какая! И эгоистичная. И *плохая*!

— Упрямство подтверждаю. Все прочее отклоняю.

Дити показала мне язык.

— Ты меня еще узнаешь! — внезапно ее лицо стало серьезным. — Но мне жаль, мой принц, что у меня нет подарка для моего мужа.

— Он у тебя есть.

— Точно?

— Конечно. Прекрасно упакованный и источающий райское благоухание, от которого у меня кружится голова.

— Ах... — сказала она надменным и безмятежно-счастливым голосом. — Не распакует ли меня мой муж? Пожалуйста!

Я так и сделал.

И это все, что кому-либо позволено знать о нашей первой брачной ночи.

— IV —

Дити

Я проснулась рано, как всегда в Уютной Гавани, чувствуя себя абсолютно счастливой. Успела этому удивиться, потом все вспомнила и повернула голову. Мой муж... *муж*!.. что за благословенное слово... мой муж лежал рядом, носом в подушку, слегка похрапывая и пуская слюнку. Я тихонько лежала, смотрела на него и думала о том, какой он красивый, сколько в нем нежности, силы и чуткости.

¹ Серии произведений Кэтрин Мур (будущая жена Г. Каттнера), опубликованная в первой половине 30-х в журнале «Weird Tales». «Нордвест Смит» — один из предтеч «Звездных торговцев» и прочих «Светлячков», «Джирел из Джойри» — собрат Конана и дедушка Элрика из Мельнибонэ. — *Прим. С. В. Голд.*

У меня было искушение разбудить его, но я знала, что моему дорогому нужен отдых. Так что я выскользнула из кровати и бесшумно отправилась в ванную — *нашу* ванную! — где не спеша проделала утренние дела. Ванну я решила принять только после того, как проснется мой капитан.

Я натянула трусики, занялась бюстгальтером, но тут остановилась и посмотрела в зеркало. У меня обыкновенное лицо и крепкое тело, которое я держу в отличной форме. На конкурсе красоты мне никогда не выйти даже в полуфинал.

Слышишь, Дити? Не упрямься, не пытайся командовать, не старайся всегда настоять на своем — а самое главное, не обижайся, если что-то не так. Мама никогда не обижалась, хотя папа не из тех людей, с которыми легко ужиться. Она терпеливо объясняла мне, что логика не имеет никакого отношения к искусству делать мужа счастливым и что тот, кто «выиграл» в семейном споре, на самом деле проиграл. Мама никогда не спорила, и папа всегда делал то, что она хотела. Если она на самом деле этого хотела. Когда в семнадцать лет мне пришлось срочно повзрослеть и попытаться ее заменить, я старалась во всем поступать как она — и не всегда успешно. Я унаследовала часть папиного темперамента и кое-что от маминого спокойствия. Я стараюсь подавлять первое и развивать второе. Но я не Джейн, я Дити.

Неожиданно я задумалась, для чего я натягиваю бюстгальтер. День обещал быть жарким. Бывает, папочка страшно выходит из себя, натыкаясь на кое-какие вещи по углам, но обнаженная плоть к их числу не относится. (Полагаю, что раньше все было иначе, но мама все переделала так, как ей хотелось.) Мне нравится ходить голой, и в Уютной Гавани я так обычно и делаю, если погода позволяет. Папа почти всегда столь же небрежен. Тетя Хильда — практически член семьи, мы часто пользовались ее бассейном и никогда не брали купальных костюмов — в крайнем случае, просто прикрывались.

Так почему я надеваю этот бюстгальтер?

Потому что две вещи, порознь равные третьей, никогда не равны друг другу. Элементарная математика, если правильно подобрать аксиомы. Люди — не абстрактные символы. Я могла

расхаживать голой перед любым из них, но не перед всеми тремя одновременно.

Меня уколола мысль, что папа и тетя Хильда могут подпортить наш медовый месяц. Потом сообразила, что мы с Зебадией можем точно так же испортить их медовый месяц — и перестала беспокоиться; все само устаканится.

На кошачьих лапках я двинулась через нашу спальню, заметила одежду мужа — и остановилась. *Мой дорогой вряд ли захочет надевать к завтраку вечерний костюм. Дети, ты ведешь себя не так, как должна супруга, разберись. Есть что-то из папиной одежды, что я могу позаимствовать, не разбудив остальных?*

Aга! Старая рубашка, которую я освободила от службы и превратила в домашний халат, шорты цвета хаки, в прошлый раз, когда мы были тут, я взяла их зашивать — и все это в шкафу в моей — *нашей!* — ванной комнате. Я прокралась обратно, добыла шмотки и положила поверх вечернего костюма, чтобы он уж точно не проглядел.

Закрыв за собой две звуконепроницаемые двери, я вздохнула с облегчением — можно не соблюдать тишину. Папа не выносит дешевки во всем, и если что-то не работает как должно, он просто берет это и чинит или заменяет. Бакалавра он получил по инженерному делу, магистра — по физике, а диссертацию защитил по математике: нет *ничего*, что он бы не смог спроектировать и построить. Второй Леонардо да Винчи... или Поль Дирак.

Никого в гостиной, и я решила пока не навещать кухню; если остальные дрыхнут, то я могу потратить утро на себя. Потянуться как следует вверх... ладони на пол, не сгибая коленей... десяти раз достаточно. Вертикальные махи обеими ногами, затем шпагат на полу, подтягиваем голову к лодыжкам — сначала к правой, потом к левой.

Я закидывала ноги за голову, когда услышала:

— Жуткое зрелище. Заезженная невеста. Дети, прекрати это.

Я ухитрилась прямо из этого положения уйти в кувырок и вскочить, чтобы оказаться лицом к лицу с папиной невестой.

— Доброе утро, тетя Хиллбилли¹, — сказала я, потом ее обняла и поцеловала. — И совсем не «засезженная». Разве что чуть-чуть «объезженная».

— Побитая, — повторила она, зевая.

Она прервалась, чтобы поцеловать меня еще раз, более душевно, чем в первый раз.

— Я самая счастливая женщина в Америке, — сообщила она.

— Не-а. Вторая. Самая счастливая стоит перед тобой.

Тетя Хильда хмыкнула и сказала:

— Сдаюсь. Мы обе — самые счастливые женщины в мире.

— И самые везучие. Тетя-Козочка, этот папин халат толстый, в нем будет жарко. Давай я принесу тебе что-то из моего. Как насчет бикини на шнурочках, у него универсальный размер?

— Спасибо, дорогая, но ты можешь разбудить Зебби, — тетя Хильда распахнула папин халат и принялась обмахиваться его полами, а я посмотрела на нее новыми глазами.

У нее было три или четыре краткосрочных брачных контракта, никаких детей. В сорок два ее лицо выглядело на тридцать пять, но ниже ключиц она могла сойти за восемнадцатилетнюю. Фарфоровая куколка, рядом с которой я — просто великанша.

— Если бы не твой муж, — добавила она, — я бы просто носила свою старую кожу. Тут жарко.

— Если бы не твой муж, я поступила бы так же.

— Джейкоб? Дити, он менял тебе пеленки. Я знаю, как Джейн воспитывала тебя. Истинная скромность, никакой фальшивой застенчивости.

— Не тот случай, тетя Хильда. Не сегодня.

— Нет, тот. Ты всегда была умницей, Дити. Женщины практичны, мужчины нет. Мы должны защищать их, делая вид, что мы хрупкие создания, чтобы не повредить их хрупкое эго.

¹ *Hillbilly* — «Билли с горы», иначе говоря, «деревенщина». Понятно, что утонченную светскую львицу так можно называть только в шутку, и именно очевидный диссонанс названия и объекта и является шуткой. В каких-то других кругах подобные шутки сочли бы грубостью и амикшонством, но профессорская семейка Берроузов-Картеров больше ценит именно такие шутки. — *Прим. С.В. Голд.*

Впрочем, мне это никогда хорошо не удавалось — я слишком люблю играть со спичками.

— Тетя Хильда, тебе это *очень* хорошо удастся, только ты делаешь все по-своему. Уверена, мама знает, что ты делаешь для папы, и она благословляет тебя и рада за папу. Рада за всех нас... за всех пятерых.

— Да ну тебя, Дити, я сейчас заплачу. Давай-ка займемся апельсиновым соком, наши мужчины могут проснуться в любой момент. Первый секрет успешной жизни с женщиной — накорми его, едва он открыл глаза.

— Это я знаю.

— Конечно, ты знаешь. С того дня, как не стало Джейн. Знает ли Зебби, насколько ему повезло?

— Он говорит, что знает. И я постараюсь его не разочаровывать.

Джейк

Я медленно выбирался из дремотной эйфории, когда осознал, что лежу в постели в нашем домике, который моя дочь называет Тихой Гаванью — потом проснулся окончательно и установился на соседнюю подушку — точнее, на вмятину в ней. Это был не сон! Значит, эйфория возникла не на пустом месте, а от самой лучшей из всех причин!

Хильды в поле зрения не было. Я закрыл глаза и притворился, что сплю, поскольку мне нужно было кое-что сделать.

«Джейн?» — позвал я мысленно.

«Я слышу тебя, мой дорогой. Я даю вам мое благословение. Теперь мы будем счастливы все вместе».

«Мы же не рассчитывали, что Дити будет киснуть в старых девах только для того, чтобы заботиться о своем старом вздорном отце. Этот молодой человек — он хорош, даже в энной степени хорош. Я это сразу почувствовал, и Хильда в нем уверена».

«Да, он хорош. Не волнуйся, Джейкоб. Наша Дити никогда не будет киснуть, а ты никогда не будешь старым. Именно так

мы с Хильдой все и спланировали пять с лишним лет назад. Все было предрешено. Она ведь сказала тебе об этом прошлой ночью?».

«Да, дорогая».

«Встань, почисти зубы и не забудь быстро ополоснуться. Не возись долго, завтрак уже ждет. Позови меня, когда будет нужда. Целую».

И вот я встал, чувствуя себя маленьким мальчиком в рождественское утро: все было отлично, и Джейн все одобрила и завила своей печатью. И, кстати, позволь мне заметить, мой несуществующий читатель, сидящий где-то там со снисходительной усмешкой на лице — не будь таким самодовольным. Джейн более реальна, чем ты.

Дух прекрасной женщины нельзя закодировать нуклеиновыми кислотами, свернутыми в двойную спираль. Так может думать только заучившийся болван. Я мог бы доказать это строго математически, если бы математика умела что-то доказывать. Но у математики нет никакого внутреннего содержания. Она мало к чему пригодна. В лучшем случае она — очень редко — помогает описывать некоторые аспекты нашей так называемой физической вселенной.

Но это случайный бонус; большинство разделов математики так же бессмысленны, как шахматы.

Я не знаю *никаких* окончательных ответов. Я — универсальный механик и неплохой математик... но любая из этих специальностей бесполезна, когда пытаешься постичь непостижимое.

Некоторые люди ходят в церковь, чтобы поговорить с Богом, кем бы Он ни был. Когда меня что-то гложет, я общаюсь с Джейн. Я не слышу «голосов», но ответы, что приходят ко мне, для меня столь же бесспорны, как речи любого римского папы *ex cathedra*. Если, по-вашему, это богохульство, то пусть оно так и будет, я останусь при своем. Джейн всегда была, есть и будет, во веки веков, аминь. Мне выпал бесценный дар прожить с ней восемнадцать лет, и никакая сила ее у меня не отнимет.

Хильды в ванной не было, но моя зубная щетка оказалась влажной. Я улыбнулся, осознав это. Логично, поскольку все микробы, которые я носил в себе, за эту ночь перебрались к Хиль-

де — а Хильда, несмотря на свою легкомысленную игривость, невероятно практична. Она встречает опасность лицом и не трепещет — как вчера вечером, — но может сказать *Gesundheit*¹ проснувшемуся вулкану, убегая от потока лавы. Джейн столь же храбра, но в такой ситуации обошлась бы без шуточек. Они похожи друг на друга, разве что в... нет, и даже в этом они не похожи. Разные, но равные. Пусть будет так: судьба благословила меня браком с двумя превосходными женщинами... и дочерью, отец которой считает, что она идеальна.

Я принял душ, побрился и почистил зубы за девять минут, а затем оделся за девять секунд. Просто обернул вокруг талии саронг из махровой ткани, который мне купила Дити — день обещал быть жарким. Эта набедренная повязка была уступкой приличиям, поскольку я недостаточно хорошо знал моего новоиспеченного зятя, чтобы сразу явиться к нему в своем обычном небрежном виде. Возможно, это могло бы оскорбить Дити.

Я явился к столу последним и обнаружил, что все пришли к тому же решению, что и я. Дити носила то, что можно было назвать бикини-минимум — непристойно «пристойная» штука, — а моя невеста красовалась в одеянии из шнурков из коллекции моей дочери. Шнурки эти были явно ей велики, поскольку Хильда крошечная, а вот Дити — нет. Полностью одетым оказался один Зеб: он был в моих старых рабочих шортах и изношенной джинсовой рубашке, конфискованной Дити. И в своих вечерних туфлях. В таком виде он бы не выделялся на улице любого городка американского Запада... если бы не одно обстоятельство: я сложен, точно груша, а Зеб — как Серый Ленсмен².

Шорты мои пришлись ему впору — немного болтались, — но рубашка у него на плечах трещала по швам. Видно было, что он чувствует себя в ней некомфортно.

Я постарался проявить радушие и гостеприимство — доброе утро всем, один поцелуй невесте, второй дочери, рукопожатие зятю; хорошая у него рука, мозолистая. После чего предложил: — Зеб, сними рубашку. Жарко, а будет еще жарче. Расслабься. Это твой дом.

¹ Будьте здоровы (*нем.*).

² Герой романов Э. «Дока» Смита, мускулистый супергерой.

— Спасибо, папа, — и Зеб стянул с себя мою рубашку.

Хильда тут же встала на свой стул, почти сравнявшись ростом с Зебом.

— Я всегда была яркой поборницей за права женщин, — объявила она, — и мое обручальное кольцо — это не кольцо у меня в носу, и, кстати, ты мне его так и не вручил, старый козел.

— А у меня было на это время? Ты получишь его, дорогая — при первой же возможности.

— Оправдания, одни оправдания! Не перебивай меня, когда я произношу речь. Раз коту масленица, то и мышки в пляс! Если вы, мужские шовинистические свиньи, можете одеваться с комфортом, то мы с Дити тоже имеем право! — и тут моя любимая женушка развязала верх своего бикини и швырнула его прочь с грацией стриптизерши.

— «Не пора ли нам подкрепиться! Что на завтрак?» — спросил Пух», — процитировал я, возможно, не совсем точно.

Ответа я не получил. Вместо этого Дити в энный раз доказала, что я могу гордиться ею. Многие годы она советовалась со мной, хотя бы молча, взглядом, принимая «стратегические решения». Сейчас она посмотрела не на меня, а на своего мужа. Зеб изобразил Древнее Каменное Лицо, не выразив ни осуждения, ни одобрения. Дити, глядя на него, затем еле заметно пожала плечами, а потом завела руку за спину, что-то там развязала или расстегнула и тоже сбросила верх своего бикини.

— Я спросил: «Что на завтрак»? — повторил я.

— Обжора, — ответила моя дочь. — Вы, мужчины, приняли душ, а мы с тетей Хильдой не имели шанса помыться, потому что боялись разбудить вас, лежебок.

— «Что на завтрак»?

— Тетя Хильда, за какие-то часы папа растерял все навыки, которые я ему прививала в течение пяти лет. Папа, все нужное лежит на столе, можно начинать готовить. Как насчет постоять у плиты, пока мы с Хильдой принимаем ванны?

Зеб поднялся с места:

— Я займусь этим, Дити, — сказал он. — Я много лет готовил себе завтраки.

— Придержи коней, дружок, — вмешалась моя невеста. — Сядь, Зебби. Дити, никогда не позволяй мужчине самому готовить завтрак — иначе он начнет задумываться, так ли уж ему нужна женщина. Если ты вовремя подаешь ему завтрак и не вступаешь в дискуссии до того, как он выпьет вторую чашку кофе, то остаток дня можешь творить все, что пожелаешь — тебе все сойдет с рук. Подожди немного, и я тебя всему научу.

Моя дочь очень быстро вернулась в игру: повернувшись к мужу, она мягко проговорила:

— Что мой капитан желает на завтрак?

— Моя принцесса... я приму все, что предложат твои прекрасные руки.

И нам предложили — настолько быстро, насколько Дити могла лить масло на сковороду, а Хильда раскладывать по тарелкам — настоящее пиршество для гурманов, которое взбесило бы шеф-повара «Cordon Bleu», а на мой вкус было пищей богов. «Глазунья по-техасски» — высокая стопка тонких, нежных блинчиков, приготовленных по рецепту Джейн, увенчанная яичницей-глазуньей из одного яйца в окружении жареных сосисок; все это утопает в расплавленном сливочном масле и горячем кленовом сиропе; запивать это полагается большим стаканом апельсинового сока и большой кружкой кофе.

Зеб слопал две стопки блинов, и я понял, что у моей дочери будет счастливый брак.

— VI —

Хильда

Мы с Дити помыли посуду, а потом отправились в ее ванную комнату отмокать и сплетничать о наших мужьях. Мы хихикали и болтали с откровенностью женщин, которые доверяют друг другу и уверены, что никакой мужчина их не подслушает. Интересно, говорят ли мужчины так же открыто в похожих обстоятельствах? Из того, что я узнала во время полуночных бесед в горизонтальном положении, когда страсть утолена, мужчины

таких разговоров не ведут. По крайней мере мужчины, что побывали у меня в постели. А между тем, «истинная леди» (какой была Джейн, какой является Дити, и какой могу притворяться я) может вести с другой «истинной леди», которой она доверяет, такие разговоры, от которых ее отец, муж или сын упали бы в обморок.

Так что лучше я пропущу наш разговор — эти записки могут попасть в руки одного из представителей слабого пола, и я не хочу, чтобы его смерть отягощала мою совесть.

Принадлежат ли мужчины и женщины к одной расе? Я знаю, что говорят биологи, однако в истории полно «ученых», которые делали заключения на основе поверхностных сведений. Мне представляется, мужчины и женщины, скорее, симбионты. Моими устами говорит вовсе не невежество; мне одного триместра не хватило до степени бакалавра по биологии, и я была отличницей, когда один «биологический эксперимент» завершился скандалом и вынудил меня бросить обучение.

Не то чтобы мне была нужна эта степень — у меня ванная обклеена почетными степенями, в основном докторскими. Говорят, будто есть такие вещи, которые ни одна шлюха не станет делать за деньги, но таких вещей, на которые не пошел бы ректор университета, чтобы заткнуть дыру в бюджете, я пока еще не встречала. Секрет в том, чтобы никогда не обещать постоянного финансирования и жертвовать деньги только в моменты самой острой необходимости, не больше одного раза в учебный год. Действуя таким образом, вы не только приберете к рукам весь кампус, даже городские копы быстро поймут, что связываться с вами — пустая трата времени. Университет всегда отстаивает своих платежеспособных членов-корреспондентов; это главный секрет успеха в академической среде.

Про\$тите мне это от\$тупление, мы ведь говорили о мужчинах и женщинах. Я всегда готова защищать права женщин, но никогда не верила в чепуху о равенстве полов. Равенство меня не привлекает. Я хочу быть настолько неравна, насколько это возможно, со всеми привилегиями и бонусами, которые несет с собой принадлежность к верховному полу. Если мужчина не придержит мне дверь, я отведу глаза и наступлю ему на ногу.

Я ни секунды не буду завидовать мужчинам по поводу их естественных преимуществ, пока они будут уважать мои. Я вовсе не хочу быть несчастным псевдомужиком, я *женщина*, и мне нравится ею быть.

Я позаимствовала косметику у Дити, все равно она ей редко пользуется, но духи были у меня в сумочке, так что я нанесла их на все двадцать две классические точки. Дити использует только базовый афродизиак: мыло и воду. Надушить ее — все равно что позолотить лилию: выходя из горячей ванны, она благоухает точно целый гарем. Если бы у меня был ее натуральный аромат, я могла бы за все эти годы сэкономить тысяч десять нью-долларов на духах и кучу часов на нанесение пахучих меток тут и там.

Она предложила мне свое платье, но я сказала, чтобы она не глумилась — любое ее платье будет смотреться на мне как палатка.

— Мы добились от наших мужчин права ходить практически голыми, и нам нужно держаться завоеванных позиций. При первой же возможности мы и штанишки скинем, все четверо, и нам для этого даже не понадобится детская игра в карты на раздевание. Дити, я хочу, чтобы мы были настоящей семьей и не стеснялись друг друга. Так, чтобы голый вид не означал готовность к сексу, а просто говорил, что мы дома, *en famille*¹. Никогда не говори мужчине того, что ему не нужно знать, лучше соврать ему в лицо, чем ранить его чувства или уязвить его гордость.

— Тетя Козочка, я тебя обожаю, — ответила она.

Болтая, мы вышли из ванны и отправились на поиски мужчин. Дити сказала, что они наверняка сидят в подвале:

— Тетя Хильда, я не хожу туда без приглашения. Это папина *sanctum sanctorum*².

— Ты советуешь мне не совершать *faux pas*³?

— Я его дочь, а ты его жена. Это не одно и то же.

— Ну... он не говорил мне, что я не должна — а сегодня, думаю, он мне все простит. Где вы спрятали лестницу?

— Вон за тем книжным шкафом. Он отъезжает в сторону.

¹ *En famille* — в кругу семьи (фр.). — Прим. С. В. Голд.

² *Sanctum sanctorum* — святая святых (лат.). — Прим. С. В. Голд.

³ *Faux pas* — бестактность (фр.). — Прим. С. В. Голд.

— Вот черт! Для так называемого «домика» это место слишком напичкано сюрпризами. Биде в каждой ванной меня не удивили, наверняка это Джейн настояла. Холодильник, в который можно войти, поразил меня только размерами — такой под стать ресторану. Но потайной ход за книжным шкафом — это, как говорила моя двоюродная бабушка Нетти, «Ну уж, знаете!».

— Ты должна увидеть наш канализационный отстойник... нет, уже твой.

— Я видела канализационные отстойники. Мерзкие штуковины, их всегда требуется выкачивать в самый неудобный момент.

— Этот выкачивать не приходится. Глубина более трех сотен метров. Тысяча футов.

— Но ради всего... *зачем?*

— Это заброшенный ствол шахты, расположенной прямо под нами, ее выкопал какой-то оптимист лет сто назад. Это была здоровенная дыра, она пропадала впустую, и папа ее использовал. А выше в горах есть источник. Папа его расчистил, упрятал в трубы под землей, и теперь у нас сколько хочешь чистой воды под давлением. Остальная часть Уютной Гавани в основном спроектирована по каталогам сборных домиков, огнеупорных, прочных и хорошо изолированных. У нас есть... и у тебя тоже... вот этот большой камин и маленькие в спальнях, но они не нужны, разве что иногда для уюта. Радиаторы здесь такие, что можно ходить голышом, когда снаружи снежная буря.

— А откуда вы берете энергию? Из ближайшего городка?

— О нет. Уютная Гавань — секретное укрытие, никто, кроме меня и папы — ну и теперь вы с Зебадией, — не знает, что оно тут. Сменные энергоблоки и преобразователь спрятаны за задней стенкой гаража. Мы сами привозим энергоблоки и увозим тоже сами, когда они разрядятся. Частным образом. И да, договор аренды на землю похоронен в компьютере в Вашингтоне или Денвере, и только федеральные рейнджеры о нем знают. Но нас они вообще не видят, если мы первыми их увидели или услышали. Как правило, они сюда не заглядывают. Один приезжал на лошади. Папа угостил его пивом снаружи, под деревьями, а снаружи это просто сборный домик, гостиная и две

спальни. И ничто не говорит, что главная его часть скрывается под землей.

— Дити, я начинаю думать, что это место — этот ваш «загородный домик» — стоит больше, чем мой таунхаус.

— Ну, может быть.

— Какое разочарование. Видишь ли, сладкая моя, я вышла за твоего папу, поскольку люблю его и хочу заботиться о нем, как обещала Джейн. И я наивно полагала, что моим свадебным подарком жениху будет гора золота, равная его весу, чтобы моему дорогому муженьку никогда больше не пришлось работать.

— Не расстраивайся, тетя Хильда. Папе нужно работать, так-то его природа. Моя тоже. Нам необходимо работать, без этого мы места себе не находим.

— Ну... ладно. Но ведь работать только тогда, когда этого хочется — это же лучшее развлечение?

— Верно!

— Вот это я и хотела подарить Джейкобу. Но теперь я не понимаю вот чего: Джейн не была богатой, она жила на стипендию. У Джейкоба не было денег — он тогда был аспирантом, ему оставалось несколько месяцев до защиты. Дити, костюм, в котором он пришел на свадьбу, выглядел поношенным. Я знаю, что все потом изменилось, он очень быстро стал профессором. И думала, что причина в профессорском окладе и хорошем руководстве Джейн.

— Да, так и было.

— Но это не объясняет *ничего*. Прости меня, Дити, но Университет Юты не платит преподавателям на уровне Гарварда.

— У папы было много предложений. Но нам нравился Логан. И город, и то, как цивилизованно ведут себя мормоны. Но... тетя Хильда, я должна тебя кое-что сказать.

Девочка выглядела обеспокоенной. Я сказала:

— Дити, если Джейкоб захочет, чтобы я знала что-то, он сам мне обо всем сообщит.

— О, он не сообщит, а я должна!

— *Нет*, Дити!

— Послушай, пожалуйста! Когда я сказала Зебу «согласна», я ушла с должности папиного менеджера. Когда ты сказала

ему «согласна», то эта ноша упала на твои плечи. Все должно быть именно так, тетя Хильда. Папа не будет этим заниматься, у него куча других вещей, о которых он должен думать, потому что он гений. Много лет всем этим занималась мама, потом пришлось научиться мне, а теперь это твоя работа. Поскольку это нельзя отдать на откуп. Ты разбираешься в бухгалтерском учете?

— Ну, я *представляю* себе, что это такое, я прошла курсы. Бухгалтерию надо знать, иначе правительство с тебя шкуру живьем снимет. Но я ей *не занимаюсь*, у меня для этого есть бухгалтеры... и грамотные юристы, чтобы все находилось в рамках закона.

— А ты не любишь выходить за рамки закона? Например, по части налогов?

— Что? Небеса, нет! Но Язва хочет находиться за рамками тюрьмы — мне не нравится казенная диета.

— Ты всегда будешь за пределами тюрьмы. Не беспокойся, тетя Хильда, я научу тебя вести такой двойной учет, который не проходят на курсах. *По-настоящему* двойной. Один набор данных для сборщиков налогов, и другой — для тебя и папы.

— Вот этот второй набор меня и беспокоит. Именно он и отправит меня за решетку. Прогулки на свежем воздухе каждую вторую среду.

— Не-а. Второй набор не на бумаге, он в компьютере кампуса в Логане...

— Еще хуже!

— Ну тетя Хильда, *пожалуйста!* Конечно, мой код доступа остается в компьютере. Конечно, налоговый инспектор может добыть судебный ордер и получить этот код. Но это ему ничем не поможет. Компьютер выдаст ему первый набор данных, а второй тут же уничтожит без следа. Неудобно, но не катастрофично. Тетя Хиллбилли, в чем другом я, может, и не чемпионка, но программист я один из лучших. И я буду рядом до тех пор, пока ты не освоишься.

А теперь о том, как папа разбогател. Все время, что он преподавал, он также изобретал разные устройства — совершенно автоматически, как наседка откладывает яйца. Усовершенствованный консервный нож. Система полива газонов, которая ра-

ботает лучше, стоит дешевле и тратит меньше воды. Множество подобных вещей. Но ни на одной из них нет его имени, а авторские каплют на наш счет обходными путями.

Но мы вовсе не паразиты. Каждый год мы с папой изучаем федеральный бюджет и решаем, что в нем полезно, а что — просто трата денег, придуманная толстожопыми бездельниками и любителями попилить бюджет. Даже до того, как умерла мама, мы платили *больше* подоходного налога, чем вся папина зарплата, и все годы, что я вела учет, мы платили больше положенного. Чтобы управлять этой страной, *на самом деле* нужна куча денег. Мы не ворчим, когда доллары уходят на дороги, здравоохранение, национальную оборону и прочие важные вещи. Но мы не платим паразитам, если их обнаруживаем.

Теперь это твоя работа, тетя Хильда. Если ты решишь, что все это нечестно или рискованно, я могу сделать так, что компьютер сделает все счета легальными и при этом никто не заметит подлога. Это может занять года три, и папе придется платить куда больше, но теперь *ты* отвечаешь за него.

— Дети, выражайся прилично!

— Я даже не сказала «черт»!

— Ты намекнула, что я *добровольно* отдам этим клоунам из Вашингтона все, что они пытаются выжать из нас. Я бы не кормила столько бухгалтеров и юристов, если бы не была уверена, что нас откровенно грабят. Дети, как насчет того, чтобы поработать менеджером для всех нас?

— Нет, мэм! Я отвечаю за Зебадию. И у меня есть свои собственные интересы. Мама не была такой бедной, как ты думала. Когда я была еще девчонкой, она получила часть фонда, который учредила ее бабушка. Она и папа постепенно перевели эти деньги на мое имя, что позволило избежать налогов на наследство и имущество; все законно, как воскресная школа. Когда мне исполнилось восемнадцать, я превратила все в наличность, а потом заставила ее исчезнуть. Ну а кроме того, я платила себе обалденную зарплату как папиному менеджеру. Я не столь богата, как ты, тетя Хильда, и определенно не столь богата, как папа. Но я и не бедна.

— Зебби, возможно, богаче всех нас.

— Я помню, ты говорила вчера, что он парень с деньгами, но я не обратила внимания, поскольку уже решила выйти за него замуж. Но когда я увидела, какая у него машина, я поняла, что ты не шутишь. Не то чтобы это имело значение... Хотя нет, это *имело* значение — мы же остались в живых только потому, что Зебадия такой смелый, а «Гэй Обманщица» такая крутая машинка.

— Дорогая, боюсь, ты никогда не узнаешь, сколько у Зебби денег. Некоторые люди не позволяют своей левой руке знать, что делает правая. Зебби не позволяет большому пальцу знать, чем заняты остальные.

Дити пожала плечами:

— Мне все равно. Он добрый и нежный, он герой из книги, который спас мою жизнь, и папину, и твою... Давай найдем наших мужчин, тетя Козочка, и я рискну заглянуть в папину святая святых, если ты пойдешь первой.

— И как убрать этот книжный шкаф?

— Включи свет в алькове, потом холодную воду в раковине. Потом выключи свет и выключи воду. Именно в таком порядке.

— «Все страньше и страньше, — сказала Алиса».

Книжный шкаф закрылся за нами, обернувшись с другой стороны дверью с круглой ручкой. Дверь выходила на верхнюю площадку. Вниз вела широкая винтовая лестница с перилами по обе стороны. Ее ступени были невысокими, достаточно широкими и не скользкими — в общем, она совсем не походила на обычную лестницу в подвал, на которой только ноги ломать. Дити шла за мной и держала меня за руку, точно испуганный ребенок.

Помещение было светлым, с хорошей вентиляцией, совсем не похожее на подвал. Наши мужья были у дальней стены, они склонялись над столом и, по всей видимости, нашего появления не заметили. Оглядевшись в поисках машины времени, я ничего похожего не увидела — по крайней мере, в стиле шоу Джорджа Пала или читанных мной книг. Вокруг было полно всякой техники. Сверлильный станок выглядел вполне обычно, токарный тоже, все остальное было мне незнакомо, но напоминало оборудование ремонтной мастерской.

Мой муж наконец заметил нас, выпрямился и сказал:

— Добро пожаловать, дамы!

Зебби повернул голову и строго сказал:

— Опаздываете на урок! Занимайте места, никакой болтовни на лекции. Делайте заметки, завтра в восемь утра контрольная. Если у вас появятся вопросы, поднимайте руку и ждите, когда вас вызовут. Нарушители дисциплины останутся после уроков и будут мыть классную доску.

Дити показала ему язык и молча села за стол.

Я же погладила его по ежику на макушке и прошептала пару непристойностей ему на ушко. Затем поцеловала мужа и тоже села.

Мой муж обратился к Зебби, возобновляя разговор:

— Так я потерял еще несколько гироскопов.

Я подняла руку.

— Да, Хильда, дорогая? — сказал мой муж.

— В «Monkey Ward» продают отличные «гироскопы»¹ — я куплю тебе сразу сто штук.

— Спасибо, дражайшая моя, но они не того сорта. Мои делают «Sperry Division», филиал «General Foods».

— Тогда я куплю их у «Sperry».

— Язва, — вмешался Зеб, — похоже, ты хочешь вымыть и доску, и губки для мела.

— Минутку, сынок. Хильда может быть идеальным человеком для того, чтобы проверить, можно ли кому-то объяснить теорию, что я пытаюсь донести до тебя. Ведь эту концепцию невозможно изложить без уравнений, которые использовал твой кузен Зебулон. И хотя она основана на математике, которая, как ты утверждаешь, тебе незнакома...

— Так и есть.

— ...ее физическую интерпретацию ты, похоже, вполне уяснил. Объяснишь концепцию Хильде? Если она поймет, то, на-

¹ Язва опять изображает дурочку: вместо «gyroscopic» предлагает Джейку «gyro tops» — популярные в 70-х греческие сэндвичи из жареного перченого мяса с салатом на лепешке пита. У нас они более известны под названием «шаурма» или «донер кебаб». Джейк подхватывает шутку и называет «Сперри» филиалом пищевой корпорации «Дженерал Фудс». — *Прим. С. В. Голд.*

верное, мы сможем так спроектировать континуумоход, что им сможет управлять человек без технического образования.

— Конечно, — язвительно сказала я, — бедная маленькая Хильда, мозги-с-кулачок. Ей не нужно понимать, куда бегут электрончики, чтобы паяться в теле- и головизор — она просто умеет тыкать в кнопки. Давай, Зебби, задави меня интеллектом, я жду.

— Я попробую, — согласился он. — Но Язва, не болтай, и пусть твои комментарии будут только по теме. Иначе я попрошу папу тебя побить.

— Он не посмеет...

— Правда? Я собираюсь подарить ему хлыст на вашу свадьбу... помимо «Weird Tales», Джейк, их ты получишь тоже. Но хлыст тебе необходим. Теперь внимание, Язва.

— Да, Зебби. И тебе того же вдвойне.

— Ты знаешь, что такое «прецессия»?

— Определенно. Прецессия равноденствий¹. Означает, что Вега будет Полярной звездой, когда я стану прабабушкой. Тридцать тысяч лет или около того.

— По существу правильно. Но ты пока еще даже не мать.

— Ты же не знаешь, что случилось прошлой ночью. Теперь я будущая мама. Джейкоб не посмеет пустить в ход твой хлыст.

Мой муж явно удивился, но, похоже, обрадовался — и я почувствовала облегчение. Зебби посмотрел на свою жену. Дити торжественно произнесла:

— Это вполне возможно, Зебадия. Никто из нас не предохранялся, и каждая близка к овуляции. У Хильды третья группа крови, резус положительный, а у моего отца четвертая группа, резус положительный. У меня вторая, резус положительный. Могу я поинтересоваться вашей, сэр?

— Первая, положительный. У... да я мог подстрелить тебя первым же залпом.

¹ *Praecessio aequinoctiorum* — по-русски это явление называется «предварение равноденствий», циклическое (с периодом 25 800 лет) смещение точек весеннего и осеннего равноденствия в пределах звездного года. Поскольку наш календарь привязан не к звездному году, а к моментам равноденствия, мы замечаем это смещение только по положению звездного неба. — Прим. С. В. Голд.

— Весьма вероятно. Но... ты это одобряешь?

— Одобряю! — Зебби вскочил, опрокинув стул. — Принцесса, ты не могла сделать меня счастливее! Джейк! Это требуется отметить!

Мой муж прекратил целовать меня.

— Несомненно! Дочь, у нас есть охлажденное шампанское?

— Да, папа.

— Погодите, — сказала я. — Давайте не будем сходить с ума из-за обычной биологической функции. Мы с Дити пока *не знаем*, понесли мы или еще нет. Мы лишь надеемся на это. И...

— Ну, так мы попробуем снова, — перебил меня Зебби. — Что там у вас с циклом?

— Двадцать восемь с половиной дней, Зебадия. Мой ритм стабилен как маятник.

— Мой — двадцать семь. Мы с Дити просто случайно совпали по фазе. Но я хотела бы поднять тост за обедом, а потом устроить гавайскую вечеринку на улице. Потом долго не удастся погулять. Дити, у тебя бывает тошнота по утрам?

— Не знаю. Я еще не была беременной.

— Я была, и у меня бывает, и это ужасно. Тогда я потеряла ребенка, хотя изо всех сил пыталась сохранить. Но этого я не потеряю! Свежий воздух, правильные упражнения, аккуратная диета и никакого алкоголя, разве что немножко шампанского сегодня вечером, а потом ни капли. А тем временем... если вы заметили, дорогие профессора, наши занятия еще не закончились. Я хочу знать все о машинах времени и не уверена, что пойму, если шампанское зашумит у меня в голове...

— Язва, временами ты меня поражаешь.

— Зебби, временами я сама себя поражаю. Поскольку мой муж делает машины времени, я хочу знать, что заставляет их тикать. Или, по меньшей мере, на какие кнопки надо нажимать. А то вдруг его укусит Бармаглот, и тогда мне придется взять раненого супруга домой. Так что продолжай свою лекцию.

— Я буду читать громко и отчетливо.

Но мы потратили пустую — пустую? — несколько минут, потому что все принялись целоваться друг с другом. Даже мой

муж и Зебби похлопали друг друга по спине и поцеловались в щеки в латинском стиле.

Занятие продолжилось.

— Язва, можешь ты объяснить прецессию у гироскопов?

— Ну, может быть. Когда-то я сдавала физику за первый курс, но это было давно. Толкните гироскоп, и он не двинется в том направлении, в котором вы ожидаете, а под углом в девяносто градусов к линии толчка, энергия которого поглощается вращением. Вроде этого... — я выставила указательный палец, точно мальчишка, изображающий пистолет: бах, ты убит! — Мой большой палец — ось вращения, указательный — направление толчка, остальные показывают вращение.

— Молодец, садись на первую парту, к отличникам. Теперь — подумай хорошенько! — предположим, что мы поместили гироскоп в рамку, а затем приложили одинаковые усилия *по каждой из трех* пространственных координат одновременно. Что будет с гироскопом?

Я попыталась это представить.

— Я думаю, он либо упадет в обморок, либо остановится.

— В качестве рабочей гипотезы неплохо. Но если верить Джейку, он исчезнет.

— Они *действительно* исчезают, тетя Хильда. Я сама это видела, несколько раз.

— Но куда они деваются?

— Я не способна понять вычисления Джейка, его преобразования мне приходится принимать без доказательств. Но все базируется на шести пространственно-временных координатах; три обычных пространственных, которые мы знаем: они обозначаются «х», «у» и «z»¹; и три временных: одна обозначается нашей «ти» — «t», другая буквой греческого алфавита «тау» — «τ», а третья буквой кириллицы «тэ» — «Т».

— Похоже на «m» с тильдой сверху.

— Да, так и есть, но это у русских вместо нашего «ти».

¹ Далее в тексте привычные обозначения осей «х», «у» и «z» заменяют «L», «W» и «H» (от слов Length, Width и High — длина, ширина и высота). — Прим. С. В. Голд.

— Нет, у русских вместо нашего «ти»¹ «chai». В толстых стаканах с клубничным вареньем.

— Прекрати, Язва. Итак, у нас есть «х», «у» и «z», «t», «тау» и «тэ». Всего шесть измерений. Теория основывается на том, что все эти оси находятся под прямым углом друг к другу и что любую из них можно заменить на любую другую с помощью вращения... или что можно задать новую ось координат, не седьмую, а способную заменить одну из шести, посредством перемещения... скажем, заменить «тау» на «тау-прим», переместившись по оси х.

— Зебби, я думаю, что отрубилась еще четыре координаты назад.

— Покажи ей тривол², Зеб, — посоветовал мой муж.

— Хорошая идея, — Зеб взял у Джейка какую-то штучку и поставил на стол передо мной: она напоминала игрушку, что была у меня в детстве, только у этой вместо шести шипов имелось четыре: три касались стола, образуя треногу, четвертый смотрел прямо вверх.

— Это оружие, — сказал Зеб, — изобретенное много веков назад. Концы должны быть острыми, тут они сточены, — он подкинул «ежика», и тот снова упал на стол. — Как бы оно ни упало, одна колючка всегда направлена вверх. Разбросай их на пути атакующей кавалерии, и лошадям это вряд ли понравится. В Первую и Вторую мировые их снова использовали — против всего, что ездит на надувных шинах — велосипедов, мотоциклов, грузовиков и тому подобного. Если сделать их достаточно большими, то они способны повредить танки и другие гусеничные машины. Для партизанской войны подходят маленькие, вырезанные из колючих кустов — обычно они бывают отравленные и довольно опасные.

Но сейчас эта смертоносная игрушка — всего лишь геометрическая проекция, изображение координат четырехмерного пространственно-временного континуума. Каждый шип находится под углом девяносто градусов к любому другому.

¹ Слово «ти» (tea) на английском означает «чай». — *Прим. С. В. Голд.*

² «Калтрон», он же «тривол», «чеснок» или «макибиси» японских ниндзя, конструкция из четырех равноотстоящих шипов. — *Прим. С. В. Голд.*

— Вовсе нет, — возразила я, — эти углы больше прямых.

— Я же сказал, что это *проекция*, Язва, это изометрическое представление четырехмерного пространства в трехмерном. Это искажает углы, ну а возможности человеческого глаза ограничены. Закрой один глаз и посиди тихо, и ты увидишь только два измерения. Иллюзия глубины — это результат работы мозга.

— Я не особенно хороша в «сидении тихо».

— Да, чего нет, того нет, — согласился мой муженек, которого я нежно люблю, но в этот момент готова была придушить.

— Но я могу закрыть глаза и *ощутить* три измерения своими руками.

— Хороший подход. Тогда закрой глаза, возьми эту штуку и представь, что шипы — это четыре направления в четырехмерном пространстве. Тебе что-нибудь говорит слово «тессеракт»¹?

— Мой учитель геометрии в школе показывал нам, как их делать — то есть их проекции, — используя модельный воск и зубочистки. Это было прикольно. Я нашла другие четырехмерные фигуры, которые было легко проецировать. И разные методы проекций.

— Язва, у тебя был незаурядный учитель геометрии.

— И он вел незаурядный курс геометрии. Не падай в обморок, Зебби, но я училась с теми, кого называли «опережающими учебный план» после того, как стало «недемократичным» называть их «особо одаренными».

— Вот черт! Почему же ты вечно изображаешь из себя дурачку?

— А почему ты судишь обо всем поверхностно, молодой человек? Когда не смеешь плакать, остается только смеяться. Это безумный мир и единственный способ получать от него удовольствие — относиться к нему как к шутке. Но это вовсе не значит, что я ничего не читаю и не умею думать. Я прочитала все от Элоизы Джиблетт² до Фреда Хойла, от Поля Сартра до Лайнуса Полинга. Я читаю в ванной, я читаю в туалете, я читаю

¹ *Тессеракт* — четырехмерный куб. — Прим. С. В. Голд.

² В оригинале просто «Джиблетт», но это, скорее всего, *Э. Джиблетт* (1921—2009), выдающаяся ученый-генетик и гематолог. Хайнлайн изучал гематологию и не мог бы пропустить ее имя. — Прим. С. В. Голд.

в кровати, я читаю, когда ем в одиночестве, и я бы читала во сне, если бы умела спать с открытыми глазами.

— О'кей. Я прошу прощения. Профессор, мы можем ускорить наш семинар, мы недооценили нашу опережающую учебный план студентку. Хильда — это сплошной интеллект!

— Зебби, может, поцелуемся и заключим мир?

— Занятие еще не закончено.

— Зебадия, для этого всегда найдется время. Правда, папа?

— Поцелуй ее, сынок, или она будет дуться.

— Я не дуюсь, я кусаюсь.

— И к тому же она просто милашка, — сказал Зебби, после чего сграбастал меня за плечи, подтащил к себе через стол и крепко поцеловал. Потом он резко отпустил меня и продолжил: — Внимание, класс. Два шипа макета, окрашенные в синий цвет, изображают трехмерный мир нашего опыта. Третий, окрашенный в желтый — привычное на *t*-время. Четвертый, красный, изображает одновременно *тау*-время и *тэ*-время, неисследованные временные измерения, необходимые для теории Джейка.

Язва, мы ужали шесть измерений в четыре, и теперь мы либо работаем с ними как с аналогией шести, либо нам придется использовать математику, которую никто не понимает, кроме Джейка или моего брата Эда. Если, конечно, ты не сможешь придумать какой-нибудь способ спроецировать шесть измерений в три — ты, похоже, отлично разбираешься во всяких проекциях.

Я закрыла глаза и хорошенько поразмыслила.

— Зебби, я не думаю, что такое можно проделать. Может быть, Эшер¹ сумел бы с этим справиться.

— Это можно сделать, дражайшая моя, — сказал мой дражайший, — но весьма неудовлетворительным образом. Даже на дисплее, при наличии компьютера такой мощности, что он способен будет схлопнуть одно или несколько измерений одновременно. У супергипертессеракта — *a* в шестой степени — слишком много граней, углов, сторон, плоскостей и гиперплоскостей, чтобы

¹ *Мауриц Эшер* (1898—1972) — нидерландский художник, работы которого отличаются причудливыми пространственными искажениями. — *Прим. С. В. Голд.*

их можно было охватить глазом. Заставь компьютер схлопнуть измерения, и останется то, что ты уже знаешь. Я боюсь, что это врожденный порок визуальных концепций в человеческом мозге.

— Думаю, папа прав, — согласилась Дити. — Я долго поработала над такой программой. Я не думаю, что сам доктор Марвин Мински¹ смог бы лучше показать все в плоской проекции. Головидение? Я не знаю. Я бы попыталась, окажись у меня в руках компьютер с голодисплеем и умением добавлять, схлапывать и вращать шесть координат.

— Но почему измерений шесть? — спросила я. — Почему не пять? Или даже четыре, раз вы говорите, что они замещают друг друга при вращении.

— Джейк? — спросил Зеб.

Мой дорогой выглядел озадаченным.

— Меня беспокоит то, что пространственно-временной континуум, по-видимому, требует три пространственных измерения, но только одно временное. Конечно, Вселенная есть то, что она есть, но мы видим в природе множество проявлений симметрии. И даже после опровержения принципа четности² ученые продолжают обнаруживать новые. Философы истово преданы симметрии, но я не беру в расчет философов.

— И не надо, — согласился Зеб. — Никакой философ не позволит, чтобы его мнению мешали какие-то там факты. Случись такое, его с позором изгонят из собственной гильдии. Большинство из них — просто упертые теологи.

— Я согласен. Хильда, дорогая, когда я сумел поставить эксперимент, он показал существование шести измерений. Возможно их больше, но я не знаю, как до них добраться.

¹ *Марвин Мински* (1927—2016) — американский ученый, занимавшийся созданием искусственного интеллекта. — *Прим. С. В. Голд.*

² *Принцип четности* (симметрии физических величин) означает, что при смене знака какой-то величины в физическом уравнении оно по-прежнему будет описывать реальный мир. Принцип проявляется в самых разных сферах: пространственная четность — инверсия пространства при смене направлений координат, временная — смена направления потока времени, зарядовая — при смене знака заряда частицы на противоположный и т. п. Нарушение принципа четности было экспериментально подтверждено в 1956 г. — *Прим. С. В. Голд.*

— Давай посмотрим, — сказала я. — Насколько я поняла, любое измерение можно заменить на другое.

— Да, поворотом на девяносто градусов.

— То есть из шести измерений мы можем создавать наборы по четыре штуки. Сколько их всего?

— Пятнадцать, — ответил Зебби¹.

— Ничего себе! Целых пятнадцать вселенных? И мы используем только одну?

— Нет, нет, моя дорогая! Столько дадут вращения на девяносто градусов в евклидовой вселенной. Но наша вселенная или вселенные не являются евклидовыми, это известно с 1919 года... или с 1886-го, если угодно. Допускаю, что космология — несовершенная дисциплина, и тем не менее, по соображениям, которые я не могу сформулировать без применения математических формул, я вынужден предполагать, что наше пространство искривлено с положительным радиусом кривизны, иными словами — оно замкнуто. Поэтому количество вселенных, до которых мы можем добраться либо с помощью вращения, либо с помощью перемещения по одной из осей, значительно больше. Это число...

И тут мой муж быстро написал три шестерки.

— Шесть шесть шесть, — удивленно сказала я. — Число Зверя.

— Что? А! Откровение Иоанна Богослова. Нет, я слишком небрежно написал. Ты подумала, что это «666», но я хотел написать вот это: $((6)^6)^6$. Шесть в шестой степени и результат тоже возводится в шестую степень. Получается вот такое число: $1,03144 \times 10^{28}$, или, если полностью, то 10,314,424,798,490,535,546,171,949,056. Иными словами, у нас этих вселенных более десяти миллионов секстиллионов.

Да, вот уж откровение!

Пока я его переживала, Джейк продолжал:

— Эти вселенные — наши ближайшие соседи, к ним ведет одно вращение или одно перемещение. Но если включить комбинации вращения и перемещения — представь гиперплю-

¹ Формула числа сочетаний по k элементов из n возможных $C_n^k = n! / (n-k)! * k!$ — похоже, Зеб приbedняется насчет своих познаний в математике. — *Прим. С.В. Голд.*

скость, проходящую через супергиперконтинуумы в стороне точки «здесь и сейчас», то результат становится неисчислимым. Это не бесконечность, поскольку у бесконечности нет смысла. Это то, что невозможно сосчитать. Число, которое не может быть субъектом манипуляций той математики, которую мы знаем на данный момент. Все эти вселенные достижимы с помощью континуумохода, но нам неизвестен способ их подсчитать.

— Папа...

— Да, Дити?

— Возможно, тетя Хильда была права. Хотя ты и агностик, ты хранишь Библию, потому что для тебя это история, поэзия и миф.

— Кто сказал, что я агностик, дочь моя?

— Простите, сэр. Я пришла к такому выводу, потому что ты никогда не желал говорить на эти темы. Моя ошибка. Отсутствие данных не может оправдать неверного умозаключения. Но это ключевое число — одна целая три тысячи сто сорок четыре стотысячных на десять в двадцать восьмой степени — возможно, это и есть «Число Зверя».

— Что ты имеешь в виду, Дити?

— Что «Откровение» не просто история, не просто хорошая поэзия и даже не миф. Должна быть какая-то причина, чтобы большое количество ученых мужей включили «Откровение» в состав Библии, выкинув несколько десятков евангелий. Почему бы не использовать бритву Оккама и не принять за рабочую гипотезу, что «Откровение» нужно читать именно так, как оно написано. Как пророчество.

— Хм-м. На полке под лестницей, рядом с Шекспиром. Библия короля Якова. Остальные три не надо.

Дити вернулась через минуту с книгой в черном, изрядно потрепанном переплете — что очень меня удивило. Я читаю Библию, у меня есть на это причины, но я никогда бы не подумала, что Джейкоб способен на такое. Браки всегда заключаются между двумя незнакомцами.

— Вот, — сказала Дити. — Глава тринадцатая, стих восемнадцатый. «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его — шестьсот шестьдесят шесть»¹.

¹ Здесь и далее — синодальный перевод.

— Это нельзя прочесть как возведение в степень, Дити.

— Но это *перевод*, папа. Разве оригинал не был на греческом? Я не помню, когда придумали записывать показатели степени, но греческие математики того времени возводить в степень определенно умели. Предположим, что оригинальный текст гласил: «дзета, дзета, дзета!»¹, и схоласты, которые не были математиками, ошибочно перевели это как «шестьсот шестьдесят шесть».

— Это... домыслы, дочь.

— А кто учил меня, что мир не только более странный, чем мы представляем, но и более странный, чем мы *можем* представить? Кто уже показал мне две другие вселенные ... и вернул меня целой и невредимой домой?

— Подожди чуток! — воскликнул Зебби. — Вы с папой уже испытывали машину пространства-времени?

— Разве папа тебе не говорил? Мы сделали одно минимальное перемещение. Все выглядело как обычно, будто мы никуда не смещались, и папа решил, что ничего не произошло. Но потом я попыталась найти один номер в телефонной книге. В ней не было буквы «J». Ни в ней, ни в Британской энциклопедии. Ни в одном из словарей на этих полках. Так что мы быстро залезли обратно, и папа поставил верньеры на ноль, и мы вернулись обратно, и алфавит снова стал, каким должен быть, и меня перестало трясти. А вращение оказалось еще страшнее, мы едва не погибли. Прямо в космосе среди пылающих звезд... но воздух вытекал, и папа едва успел вернуть все в ноль, пока мы не потеряли сознание... и мы вернулись сюда, в Уютную Гавань.

— Джейк, — сказал Зебби очень серьезно, — в твоём устройстве должно быть больше контуров безопасности, в том числе «рычаг мертвеца»² для возвращения домой, — нахмурившись, он продолжил: — Думаю, стоит иметь в виду оба числа, и шесть шесть шесть, и второе, длинное. Я доверяю интуиции Дити. Дити, где там стих с описанием Зверя? Он должен быть где-то в середине главы.

¹ Шестая буква греческого алфавита, обозначавшая также цифру шесть.

² «Рычаг мертвеца» — механический переключатель, который срабатывает, когда оператор теряет сознание — либо под его весом, либо потому, что он перестает давить на рычаг. — *Прим. С.В. Голд.*

— Вот он. «И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон».

— Хм-м... Я не знаю, как разговаривают драконы. Но если нечто вылезет из земли и у него будут два рога... и если я увижу или услышу любое из этих чисел, то я решу, что это одна из Черных Шляп, и постараюсь разобраться с ним до того, как он разберется с нами. Дити, я мирный человек... но две попытки покушения — это многовато для меня. В следующий раз я стреляю первым.

Зебби не стоило вспоминать «Черных Шляп». Трудно поверить, что кто-то пытается убить такого милого, наивного и безобидного человека, как мой дорогой Джейкоб. Но они *пытались* — и мы знали это.

— И где эта машина времени? — спросила я. — Пока что я видела только тримбла.

— Эта штука называется «тривол», тетя Хильда. А на машину пространства-времени ты прямо сейчас смотришь.

— Что? Где? Почему мы до сих пор не сели в нее и не свалили отсюда ко всем чертям? Я не хочу, чтобы моего мужа убили, он практически совсем новенький. Думаю, пройдут годы, прежде чем он износится.

— Язва, прекрати болтать, — оборвал меня Зебби. — Она на этой скамье, через стол от тебя.

— Я вижу только портативную швейную машинку.

— Это она и есть.

— Что? И как попасть внутрь? Или на ней ездят верхом, как на помеле?

— Ни то, ни другое. Ее намертво закрепляют на транспортном средстве, желательно герметичном и водонепроницаемом. Папа поставил ее в свою машину, но она была недостаточно герметична, и теперь ей капут. Мы с папой собираемся поставить ее в «Гэй Обманщицу», которая *на самом деле* герметична. И с улучшенными контурами безопасности.

— С *еще более* лучшими контурами безопасности, Зебби, — поддержала я.

— Так и будет. Я обнаружил, что когда ты вступаешь в брак, все меняется. Я привык беспокоиться за собственную шкуру.

А теперь я беспокоюсь еще и за Дити. И за твою. И за папину. За шкуры всех четверых.

— Слушайте, слушайте! — сказала я. — Один за всех и все за одного!

— Угу, — буркнул Зебби. — Только за нас четверых, ни за кого больше. Дити, когда ланч?

— VII —

Дити

Пока мы с тетей Хильдой занимались ланчем, наши мужчины куда-то исчезли. Вернулись они как раз вовремя, чтобы сесть за стол. Зебадия принес интерком, а папа — провод, который он воткнул в разъем на стене и подсоединил к интеркому.

— Джентльмены, ваше чувство времени идеально, у нас все готово, — поприветствовала их тетя Хильда. — Что это у вас?

— Гостя к ланчу, моя дражайшая, — ответил папа. — Мисс «Гэй Обманщица».

— Еды хватит на всех, — сказала тетя Хильда. — Я поставлю еще одну тарелку.

Она так и сделала, и Зебби поставил на эту тарелку интерком.

— Она будет кофе или чай?

— Она не запрограммирована ни на то, ни на другое, Хильда, — сказал Зебадия, — но я благодарю тебя от ее имени. Дамы, меня очень интересуют новости из Сингапура и Суматры. Поэтому я велел своему автопилоту следить за ситуацией. Джейк пришел мне на помощь и сказал, что у него тут устроена дополнительная проводка на всякий случай, и это как раз такой случай. Гэй подключена к этой линии у себя в гараже, а здесь у нас двусторонний интерком. Я могу вызвать Гэй, а она может вызвать меня, если появится что-то новое — я изменил ее программы, и она продолжает поиск новостей из дома и Логана.

— Я добавлю новый выход в подвале, — подхватил папа. — Но твой дом *здесь*, сынок, а не в Калифорнии.

— Ну...

— Не спорь, Зебби. Это *мой* дом с того момента, как Джейкоб на мне женился ... а значит, и мой зять может считать это место своим домом, ты же слышал, что сказал Джейкоб? Я права, Дити?

— Конечно, — согласилась я. — Тетя Хильда — хозяйка дома, а я просто горничная. Однако Уютная Гавань — и мой дом тоже, пока папа и тетя Хильда не выгонят меня пинком на снег. А пока он мой, он и моего мужа.

— Только не на снег, Дити, — поправила тетя Хильда, — Джейкоб будет настаивать, чтобы это случилось в теплый солнечный день, ведь он так добр и ласков. Но ты не останешься без крыши над головой, дочка. Мой дом в Калифорнии — мой и Джейкоба — давно стал твоим вторым домом, а Зебби уже много лет заваливается туда, как только проголодается.

— Видимо, я должен бросить в общий котел свою холостяцкую квартиру.

— Зебби, не подсовывай Дити свой ужасный топчан. Он весь в буграх, Дити! Торчащие пружины. Наутро вся в синяках. Зебби, заberi у них залог и отправь свою мебель обратно в «Гудвилл»¹.

— Язва, опять ты выдумываешь. Дити, у меня в берлоге нет никакого топчана. У меня кровать королевских размеров, достаточно большая для троих — или шестерых, если они хорошо знакомы... Папа, меня все еще восхищает ваша Уютная Гавань. Вы специально приглашали архитектора?

— Пффф! «Архитектор» — грязное слово. У меня *инженерное* образование. А архитекторы копируют ошибки друг друга и называют это «искусством». Даже Фрэнк Ллойд Райт² никогда не понимал, что делали Гилберты. Его дома прекрасно выглядят снаружи, но внутри они жутко неудобны. Пылесборники. Мрачные. Лабиринты для крыс. Пфуй!

— А что насчет «Ньютры»?

— Если бы его не связывало по рукам и ногам строительное законодательство, профсоюзные правила и законы о планировке,

¹ «Гудвилл» — популярная сеть секонд-хендов. — Прим. С. В. Голд.

² Райт Фрэнк Ллойд (1869—1959) — американский архитектор и теоретик архитектуры. «Ньютра» — одно из построенных им зданий.

то «Ньютра» могла бы стать шедевром. Но людям не нужны эффективные машины для жизни, они предпочитают горбиться в средневековых лачугах, как делали их одолеваемые блохами предки. Холод, сквозняки, антисанитария, плохое освещение — а ведь без этого можно было прекрасно обойтись!

— Я уважаю ваше мнение, сэр. Папа, здесь три камина... и никаких труб. Как? Почему?

— Зеб, я люблю камины, а в горах несколько поленьев могут спасти тебе жизнь. Но я не вижу причин обогревать окрестности и подавать сигналы о том, что мы здесь, и не желаю доверять искрогасителям, когда вокруг сплошные леса. Когда ты зажигаешь огонь в одном из каминов, автоматически включается вытяжной вентилятор. Дым и сажа удаляются электростатически, а фильтры автоматически очищаются, когда температура в вытяжке опускается ниже двадцати пяти по Цельсию. Горячий воздух проходит по лабиринту труб под ванными и под полами, проходит по всем этажам, оттуда в каменный радиатор под гаражом, затем в камеру, которая приводит в действие тепловой насос, что качает воду для дома. Когда воздух наконец выходит наружу вдали от дома, его температура почти не отличается от температуры окружающей среды, так что его может засечь только самый чувствительный теплоискатель. Тепловая эффективность плюс полная конфиденциальность.

— А если снег будет идти так долго, что ваше энергоблоки разрядятся?

— В запасе Франклиновы печи, трубы к ним и заглушки в стенах, которые можно убрать и подсоединить трубы к вытяжке.

— Папа, — вмешалась я, — а что у нас с Правилom Номер Один? Или его отменили прошлой ночью в Элко?

— Э? Президиум обязан заявить, что его действие приостановлено, пока Хильда не ратифицирует или отменит его. Хильда, любимая, много лет назад Джейн установила Правило Номер Один...

— Я его ратифицирую!

— Спасибо. Но сначала послушай. Оно имеет отношение к принятию пищи. Никаких новостей...

— Папа, — снова влезла я, — пока Правило Номер Один еще в подвешенном состоянии, может, у «Гэй Обманщицы» есть новости? Я на самом деле беспокоюсь!

— Нулевой результат, дорогая. Откуда вытекает тот забавный факт, что мы с тобой все еще считаемся погибшими *дважды*, и службы новостей, похоже, пока не заметили этого противоречия. Однако мисс «Гэй Обманщица» непременно сообщит нам, если появится новый бюллетень. Правило Номер Один никогда не применяется в чрезвычайных ситуациях. Зеб, хочешь, поставим интерком на ночь в вашей спальне?

— Я не хочу, но придется. Оперативное оповещение может спасти наши шкуры.

— Этот интерком я оставлю тут, а второй подключу параллельно в спальне и добавлю громкости, чтобы он мог тебя разбудить. Возвращаясь к Правилу Номер Один: никаких новостных программ во время еды, никаких газет. Никаких профессиональных дискуссий, никаких деловых или финансовых вопросов, никаких обсуждений здоровья. Никаких политических дискуссий, никаких упоминаний о налогах, внешней или внутренней политике. Чтение художественной литературы дозволено *en famille*, но не в присутствии гостей. Разговоры ограничиваются легкими темами...

— Ни скандалов, ни сплетен? — осведомилась тетя Хильда.

— На твое усмотрение, дорогая. Забавные сплетни о друзьях и знакомых, скандальные истории о тех, кто нам не нравится — ради бога! А теперь — желаешь ли ты ратифицировать, отменить, поправить или выдвинуть на обсуждение это правило?

— Я ратифицирую его без изменений. Кто-нибудь знает какой-нибудь свежий пикантный скандал, в который вляпался кто-то, кто нам не нравится?

— Мне известно кое-что о «Но Брэйне» — докторе Нейле Брэйне, — предложил Зебадия.

— Валяй.

— Я получил информацию из надежного источника, но не могу ее подтвердить.

— Не имеет значения, если это интересно. Вперед, Зебби.

— Ну, одна аппетитная студентка рассказала, что с ней случилось. Она попыталась предложить себя Брэйни в обмен на проходной балл по общему курсу математики, который требуется, чтобы получить *хоть какую-то* степень в нашем университете. Он рассчитан на то, чтобы выдающиеся, но не слишком умные спортсмены могли получать свои дипломы. Мисс Аппетитная ухитрилась завалить его, что требует исключительных способностей. Поэтому она явилась на прием к декану, именно к Брэйни, и выложила карты на стол. Он может давать ей горизонтальные уроки прямо здесь и сейчас, или на ее квартире, или на его квартире, или в мотеле, и везде, когда и где бы он этого ни пожелал. Но она *должна* сдать этот экзаме́н.

— Такое случается в любом кампусе, сынок, — заметил папа.

— Я еще не дошел до сути. Она всем растрепала эту историю, но ситуация ее не разозлила, а, скорее, оставила в недоумении. Она говорила, что так и не сумела донести до него свои намерения (по-моему, это невозможно, я видел эту девицу). Брэйни не принял ее предложения, не отказался, не выглядел оскорбленным и, похоже, вообще не понял, о чем речь. Он сказал, что ей лучше договориться с преподавателем о дополнительных занятиях и о переекзаменовке. А мисс Аппетитная теперь всем рассказывает, что Брэйни у нас евнух или робот. Совершенно лишен сексуального чувства.

— Он, конечно, глуп, — заметила тетя Хильда. — Но я никогда не встречала мужчин, которые не понимают намеков, если немного постараться. Они всегда реагируют, даже если не питают интереса к моей симпатичной тушке. Правда, я никогда не испытывала свои чары на профессоре Брэйне, поскольку меня не интересует *его* тушка.

— Но, Хильда, дорогая, тогда почему ты пригласила его на вечеринку?

— *Что?* Из-за твоей записки, Джейкоб. Я всегда делаю тебе одолжения.

— Но Хильда, я не понимаю. Когда я говорил с тобой по телефону, я попросил тебя пригласить Зеба, поскольку я думал, что он — его кузен Зебулон, и я сказал, что не помешают еще

два или три гостя с математического факультета, чтобы наша встреча не привлекла слишком много внимания. Но я не упоминал доктора Брэйна. И я ничего тебе *не писал*.

— Джейкоб, у меня *есть* твоя записка. В Калифорнии. На бланке университета с твоим именем.

Папа печально покачал головой.

— Язва, — спросил Зебадия, — записка была от руки или напечатана?

— Напечатана. Но с подписью! Подожди, сейчас все вспомню. Мое имя и адрес были внизу слева. Имя Джейкоба тоже было напечатано, но рядом была подпись «Джейк»... Ага... Вот текст: «Моя дорогая Хильда, спешу уточнить по поводу вчерашнего звонка... Не будешь ли ты столь любезна, чтобы пригласить доктора Нейла О' Брэйна, декана математического факультета? Не знаю, что на меня нашло, но я забыл его упомянуть. Должно быть, от радости, когда услышал твой милый голос.

Дити шлет тебе свою любовь, как и я. Всегда твой, Джейкоб Дж. Берроуз»... И сверху над именем подпись от руки «Джейк».

Зебадия сказал мне:

— Ватсон, вы знаете мои методы.

— Конечно, мой дорогой Холмс. Черная Шляпа. В Логане.

— Мы это и так знали. Что *нового* мы узнали?

— Ну... папа звонил из дома, я это помню. Значит, у нас в телефоне стоит «жучок». Стоял, я имею в виду, поскольку огонь его наверняка уничтожил.

— Да, «жучок». Пожар могли затеять ради того, чтобы уничтожить его и прочие улики. Но теперь мы в курсе, что «Парни в Черных Шляпах» знали, что твой папа — и ты, но их интересовал именно папа — были прошлым вечером в Калифорнии. «Убив» его в Калифорнии, они разрушили все, что могли, в Юте. Профессор, я предсказываю, что скоро мы узнаем, что ваш офис был ограблен прошлой ночью — кто-то унес все работы, посвященные шестимерным пространствам.

Папа пожал плечами:

— Они мало что найдут там. Я отложил работу над итоговой статьей после того унижительного приема, который получила моя

предварительная работа. Я работал над ней только дома, или здесь, и всякий раз, когда мы сюда приезжали, привозил заметки, сделанные в Логане, в этот подвал.

— Тут что-нибудь пропало?

— Я уверен, что сюда никто не вламывался. Да эти бумаги и не имеют особого значения — я все держу в голове. И к континуумоходу точно никто не прикасался.

— Зебадия, доктор Брэйн — одна из Черных Шляп? — спросила я.

— Я не знаю, Дити. Он может быть марионеткой или наемником в чужой игре. Однако он точно участник заговора, иначе они не рискнули бы подделать письмо, чтобы провести его в дом Хильды. Джейк, насколько сложно украсть бланк с твоим именем?

— Это легко. У меня нет секретарши, а за стенографисткой я посылаю, когда она нужна. И я редко запираю кабинет, когда я в кампусе.

— Дити, можешь принести бумагу и ручку? Я хочу посмотреть, как Джейк подписывается «Джейком».

— Конечно, — я все принесла. — Подпись у папы простая, я часто за него расписываюсь. У меня же его доверенность.

— Простые подписи сложнее всего подделать так, чтобы одурачить эксперта. Но им и не требовалось одурачивать эксперта — куда сложнее было сформулировать текст записки... а ведь Хильда не заподозрила в ней фальшивку.

— Похоже на правду, сынок. Текст очень походит на то, что я сам написал бы, если бы решил обратиться к Хильде.

— Изготовитель фальшивки наверняка прочитал множество твоих писем и прослушал множество твоих разговоров. Джейк, напиши тут «Джейк» четыре или пять раз, так, как ты изобразил бы имя на записке к другу.

Папа это сделал, и мой муж принялся изучать образцы.

— Нормальные вариации, — сказал Зебадия, а потом написал «Джейк» около дюжины раз, посмотрел на свою работу, взял чистый лист, расписался «Джейк» и передал его тете Хильде. — Ну, Язва?

Тетя Хильда посмотрела на подпись.

— Мне бы и в голову не пришло сомневаться — на листе с шапкой от Джейкоба, да еще и под запиской, составленной из его фраз. И к чему мы пришли?

— Застряли по дороге в грязи. Но теперь у нас есть новая информация. В это дело вовлечены по меньшей мере три человека, две «Черные Шляпы» и доктор Брэйн, который может быть, а может и не быть «Черной Шляпой». Как минимум он работает за деньги, или невольный союзник, или марионетка, которую они могут двигать, как игроки пешку по шахматной доске.

Хотя два плюс Брэйни — это минимум, вероятно, их больше. Подобную схему не придумаешь в одночасье. В нее входят поджог, подделка документов, минирование автомобиля, прослушка телефона, воровство и секретная связь между отдаленными пунктами, координация преступных действий в каждом из них... и, возможно, то, что случилось с моим кузеном Зебулоном. Мы можем предположить, что «Черные Шляпы» знают, что я не тот Зеб Картер, который спец в n -мерной геометрии, и меня списали как случайную жертву.

Которая их совершенно не беспокоит. Это ребята с фантазией, они могут прибить муху кувалдой или лечить кашель с помощью гильотины. Они умны, организованны, эффективны и лишены предрассудков. Единственный ключ к разгадке — их интерес к шестимерной неевклидовой геометрии.

У нас нет ни малейшего представления, кто они такие — кроме доктора Брэйна, чья роль не ясна. Но Джейк, кажется, я знаю «почему», и отсюда мы узнаем «кто».

— *Почему*, Зебадия? — потребовала я.

— Принцесса, твой отец мог работать над другими бесчисленными разделами математики, и они бы не обратили на него внимания. Но так случилось... хотя не случайно, я не верю в «случай», что он выбрал *именно* эту область геометрии — единственную, которая *правильно* описывает, как устроено пространство-время. А поскольку он гений, как в теории, так и в практике, он увидел, что можно создать простое устройство — ошеломительно простое, величайшее изобретение со времен колеса — континуумоход, машину пространства-времени, которая открывает доступ ко всем вселенным Числа

Зверя. Плюс к бесчисленным вариациям этого множества вселенных.

Однако у нас есть одно преимущество.

— Я не вижу никаких преимуществ! Они стреляли в моего Джейкоба!

— Одно серьезное преимущество, Язва. «Черные Шляпы» знают, что Джейк проработал всю математику. Но они не знают, что он построил свой искривитель пространства-времени, они думают, что у него есть только символы на бумаге. Они попытались дискредитировать его работу и добились успеха. Затем попытались убить... и промазали. Скорее всего, они думают, что Джейк мертв... и, похоже, они убили Эда. Но они *не знают* об Уютной Гавани.

— Почему ты так думаешь, Зеб? О, я надеюсь на это! Но почему ты так уверен?

— Поскольку эти парни не шутят. Они взорвали твою машину и сожгли квартиру. Что бы они сделали с Гаванью, если бы узнали? Сбросили атомную бомбу?

— Сынок, ты думаешь, что у преступников может быть доступ к атомному оружию?

— Джейк, это не *преступники*. «Преступник» — это элемент подмножества большего множества «человеческие существа». Но эти создания не являются людьми.

— Э, Зеб? Твоя логика ускользает от меня.

— Дети, прогони это через компьютер. Тот, что у тебя между ушами.

Я не ответила, я просто сидела и думала. Через несколько минут неприятных раздумий я сказала:

— Зебадия, «Черные Шляпы» не знают об устройстве в нашем подвале.

— Убедительное предположение, — согласился мой муж, — ведь мы все еще живы.

— Они полны решимости уничтожить новое направление в математике... и уничтожить тот мозг, который его создал.

— Вероятность близка к ста процентам, — вновь согласился Зебадия.

— Поскольку с его помощью можно путешествовать по разным вселенным.

— Логичный вывод, — подтвердил мой муж.

— Исходя из этой цели, люди делятся на три группы. Те, кто не интересуется математикой более сложной, чем нужна для подсчета денег. Те, кто немного знаком с другой математикой. И третья, маленькая группа, которая способна понять, какие возможности она открывает.

— Да.

— Но наша раса не знает *ничего* о других вселенных, насколько я в курсе.

— Да, не знает. Необходимое допущение.

— Но эта третья группа не стала бы мешать попытке путешествовать между вселенными. Они с большим интересом будут ждать, что из этого выйдет. Они могут верить или не верить, или не высказывать суждения. Но они *не будут* препятствовать; они будут рады узнать, что мой отец добился успеха. Радость от интеллектуального открытия — это свойство истинного ученого.

Я вздохнула и добавила:

— Других групп я не вижу. Если не брать в расчет кучку больных психов, эти три группы полностью описывают картину. Но наши противники вовсе не психи, они умны, коварны и неплохо организованны.

— В чем мы имели возможность убедиться, — эхом отозвался Зебадия.

— Следовательно, наш противник — не люди. Они разумные пришельцы из... откуда угодно.

— Или из когда угодно, — пробормотал мой муж.

Я снова вздохнула и промолчала. Быть оракулом — не самая приятная профессия!

— Язва, ты можешь убить?

— Кого убить, Зебби? Или что?

— Можешь ты убить, чтобы защитити Джейка?

— Можешь поставить свою чертову жизнь, что я убью ради него!

— Я не спрашиваю тебя, моя принцесса, я знаю Дею Торис, — продолжил Зебадия. — Такова ситуация, дамы. У нас есть самый ценный человек на планете, и мы должны его защищать,

хотя мы не знаем — от чего. Джейк, твой отряд телохранителей состоит из двух амазонок, одна миниатюрная, другая среднего размера, обе, вероятно, в положении, и одного Трусливого Льва. Я бы нанял дорсай¹, если бы знал, на какую почту им писать. Или Серого Ленсмена и всех его приятелей. Но у нас есть мы, и мы постараемся! *Avete, alieni, nos morituri vos sperminus!*² А теперь давайте откроем шампанское.

— Мой капитан, ты думаешь, стоит? — спросила я. — Я напуганна.

— Конечно, стоит. Сегодня я больше не в состоянии работать, да и Джейк тоже. Завтра мы начнем устанавливать аппаратуру в «Гэй Обманщицу», переделывать там все и перепрограммировать, чтобы она отзывалась на команды любого из нас. А пока нам нужно немножко повеселиться и хорошенько выспаться. Пить жизнь до дна лучше всего, когда ты знаешь, что каждый час может быть последним.

Тетя Хильда пихнула Зебадию кулаком в ребра.

— Ах ты болтливый засранец! Я собираюсь веселиться до чертиков и выставять себя душой, а потом взять мужа и уложить его спать, применив Патентованное Лекарство Матушки Язвы. Дити, ту же самую терапию я прописываю и тебе.

Внезапно мне стало легко на душе, и я сказала:

— Принято, тетя Хильда! Капитан Джон Картер всегда побеждает. Трусливый Лев? Как же! Кто тогда папа? Маленький Волшебник Оз?

— Я думаю, да.

— Все может быть. Папа, откроешь бутылку? У меня от этих пробок пальцы болят.

— Сию минуту, Дити. Я имею в виду, Дея Торис, царственная супруга Владыки.

— Нет нужды быть таким официальным, папа. Это будет неформальная вечеринка. Очень неформальная! Папа! Мне обязательно ходить одетой?

— Спроси своего мужа. Ты теперь *его* проблема.

¹ Герои цикла романов Гордона Диксона, профессиональные воины.

² Привет вам, чужаки! Идущие на смерть плюют на вас! (*Перевод гадательный, с латыни.*)

— VIII —

Хильда

Когда на старости лет я, шамкая беззубым ртом перед камином, стану перебирать свои давние прегрешения, я буду вспоминать эти дни как самые счастливые в моей жизни. До того у меня было три медовых месяца, по одному на каждого мужа-контрактника: два были хороши, один — нормальный и (в конечном итоге) весьма прибыльный. Но наш медовый месяц с Джейкобом был *райским*.

Дыхание опасности лишь обостряло удовольствие. Джейк не выглядел обеспокоенным, а у Зебби было чутье, как у игрока на скачках. Видя, что он расслабился, Дити сама перестала нервничать... а я даже и не начинала, поскольку надеялась завершить жизнь как фейерверк, в огненной вспышке, а не цепляться за нее, уродливая, беспомощная и бесполезная...

Оказалось, привкус опасности добавляет яркости жизни. Даже в медовый месяц... особенно в медовый месяц.

Очень странный медовый месяц. Не групповой брак, а две пары, которые составляют одну семью и которым комфортно друг с другом. Я отбросила большую часть образа энергичной сучки, и Зебби иногда называл меня «Хильда» вместо «Язвы».

Мы с Джейкобом сошлись в браке точно ветчина и яичница. Он не очень высок — метр семьдесят восемь, — но по сравнению с моими жалкими метр пятьдесят два это достаточно много. Волосы у него редеют, и у него есть брюшко, заработанное годами сидячей работы, но для меня он выглядит как надо. А когда мне хотелось полюбоваться мужской красотой, я могла пялиться на великана, доставшегося Дити.

Когда он появился в кампусе, я решила сделать из него своего домашнего питомца — не из-за внешности, а из-за необычного чувства юмора. Но если когда и существовал мужчина, способный сыграть роль Джона Картера, Владыки Марса, то это был Зебадия Картер, чье второе имя как раз «Джон». В комнатах, в гражданской одежде и фальшивых очках в роговой оправе, он выглядит неловким, слишком большим и неуклюжим. Я не по-

нимала, что он красив и грациозен, пока однажды он не явился ко мне в бассейн.

Бродя на свежем воздухе или в Уютной Гавани почти или совсем без одежды, Зебби всюду выглядел естественно — горный лев, исполненный силы и грации. Инцидент, случившийся однажды вечером, показал мне, насколько он похож на Владыку Марса. Я знаю эти старые истории. В свое время мой отец купил переиздания в мягкой обложке от «Бэллантайн/Дель Рей», и они были в доме, где я провела детство. Когда я научилась читать, я прочитала их все и предпочитала повести о Барсуме «книжкам для девочек», которые мне дарили на день рождения и Рождество. Я себя отождествляла с Тувией и хотела сменить имя на Тувию, когда стану взрослой. Но когда мне исполнилось восемнадцать, я об этом уже не думала. Я всегда была «Хильда», и новое имя меня не привлекало.

Отчасти я несу ответственность за имя Дити, которого она стеснялась, пока она не поняла, что оно нравится ее мужу. Джейкоб хотел назвать дочь «Дея Торис» (хотя он выглядит как профессор и им *является*, он неизлечимый романтик.) Джейн возражала. Тогда я сказала ей: «Не глупи, Джейни. Если твой муж что-то хочет и ты можешь ему это дать без особой печали, то дай ему это! Ты хочешь, чтобы он любил вашего ребенка, или хочешь, чтобы он его раздражал?» Джейн тогда задумалась, и «Дорис Энн» к моменту крещения превратилась в «Дею Торис», а затем в «Дити» — раньше, чем она научилась говорить, и это всех устроило.

Мы привыкли жить по распорядку: ранний подъем каждое утро, наши мужчины работают с приборами, проводами и прочими штуками, устанавливая пространственно-временную машинку в нутро «Гэй Обманщицы», в то время как мы с Дити занимались домашней работой... совсем немного, поскольку благодаря гению Джейкоба наш горный домик не требовал много внимания. А затем мы развлекались одной технической проблемой, которую Дити решала с моей помощью.

От меня мало толку, когда речь идет о технической работе, биология — единственный предмет, который я изучала глубоко и за который так и не получила диплома. Познания мои рас-

ширились благодаря шести тысячам часов волонтерской работы в качестве медсестры в медицинском центре нашего кампуса. А еще я проходила курсы, которые сделали меня медсестрой без сертификата, медтехником без удостоверения и даже парамедиком без диплома, так что я не кричу при виде крови, могу убрать лужу блевотины, не поморщившись, и без колебаний заменяю медсестру в операционной. Жить в кампусе «университетской вдовушкой» с кучей денег весело, но пусто для души. Мне нравится знать, что я выплатила аренду за тот кусок земли, который занимаю.

Помимо этого я нахваталась понемногу обо всем благодаря любви к печатному слову, плюс посещала все лекции в университете, название которых звучало интригующе... и даже иногда записывалась вольным слушателем на соответствующие курсы. Например, я прошла курс описательной астрономии и сходила на итоговый экзамен, где получила высший балл. Я даже правильно рассчитала орбиту кометы, к большому своему удивлению (и удивлению профессора).

Я могу подключить дверной звонок или прочистить засорившуюся канализацию тросом, но для решения настоящих технических проблем я нанимаю специалистов.

Так что Хильда может кому-то помогать, но не способна проделать всю работу в одиночку. «Гэй Обманщицу» нужно было перепрограммировать, а Дити, которая не выглядит гением, на самом деле одна из них. Дочь Джейкоба уже *обязана* быть гением, но у ее матери был такой коэффициент интеллекта, что напугал даже меня, ее ближайшую подругу. Я наткнулась на результаты теста, когда помогала придавленному горем бедняге Джейкобу решить, что сохранить, а что сжечь. (Я сожгла не самые удачные фото, ненужные бумаги и одежду. Одежду умершего человека нужно либо отдавать, либо сжигать. Не стоит хранить то, что не вызывает счастливых воспоминаний. Я, конечно, немного поплакала, но это избавило Джейкоба и Дити от слез в дальнейшем.)

У нас у всех есть права на вождение фибии, а у Зебби, как у капитана З. Дж. Картера, Аэрокосмические силы США, имеется еще и «командирский» рейтинг. Он сказал нам, что его космический рейтинг скорее почетный, чем действительный —

немного времени в невесомости и одна посадка на шаттле. Но Зебби — лживый мальчишка, он любит шутить и выдумывать небылицы. У меня был случай заглянуть в его летные записи, и я не постеснялась сделать себе копию. Там понаписано куда больше, чем одна поездка по обмену в Австралию. Когда-нибудь я усядусь ему на грудь и заставлю его рассказать всю правду маме Хильде. Это будет интересно... если я смогу отличить факты от вымысла. Например, я *не верю*, что у него был интимный контакт с самкой кенгуру.

Зебби и Джейкоб решили, что любой из нас должен управлять «Гэй Обманщицей» во всех четырех вариантах: на земле, в воздухе, в космосе (она не является космическим кораблем, но может делать прыжки за пределы атмосферы) и в пространстве-времени, то есть среди вселенных Числа Зверя, плюс их вариаций, которые невозможно сосчитать.

Я не верила, что способна все это освоить, но мужчины заверили меня, что они разработали контур безопасности, который вытащит меня из любой передраги, даже если я буду предоставлена самой себе.

Частично проблема заключалась в том, что «Гэй Обманщица» — девушка-однолюб. Ее двери отпирались только голосом ее хозяина или прикосновением его большого пальца... или выстукиванием кода, если он не хотел или не мог использовать и голос, и большой палец правой руки. Зеб старался все спланировать заранее. «Обмануть Закон Мерфи — вот как он это называл. — Потому что все, что может пойти не так, *обязательно* пойдет не так». (Бабушка называла это Правилом Бутерброда Маслом Вниз.)

Первым делом нужно было представить нас всех «Гэй Обманщице», научить ее принимать все четыре наших голоса и отпечатки больших пальцев правой руки. На это ушла всего пара часов, потому что Зебби помогала Дити. На код понадобилось еще меньше, он базировался на старой военной мелодии — предполагалось, что никакой вор не заподозрит, что машина открывается на стук, а если догадается, то не сможет угадать правильную мелодию. Зебби называл этот марш «Пьяный солдат», Джейкоб сказал, что это «Маркитантская лодка», а Дити

заявляла, что песня называется «День получки», потому что так говорил ей дедушка Джейн.

Мужчины решили, что она права, поскольку Дити помнила все слова. В них говорилось о «пьяном матросе» вместо «пьяного солдата», и упоминались и «маркитантская лодка», и «день получки».

Закончив процесс знакомства, Зебби выкопал откуда-то документацию на Гэй: один том на ее тело, второй на ее мозги. Вторым он вручил Дити, а первый унес в наш подвал. Следующие два дня были легкими для меня и тяжелыми для Дити — я держала фонарик и делала заметки на планшете, пока она изучала эту книгу, хмурилась, а затем потела и пачкалась, занимая разные невозможные положения под машиной, а однажды даже выругалась в такой манере, которая заставила бы Джейн нахмуриться.

Дити добавила:

— Тетя Козочка, твой зять совершил с этой кучей «спагетти» такие вещи, которым нельзя подвергать достойный компьютер! Это какой-то ублюдошный гибрид.

— Ты не должна называть Гэй «это», Дити. И она вовсе не ублюдок.

— Она нас не слышит, я отсоединила ее «уши», за исключением того кусочка, который следит за новостями, а он замкнут на вот этот уходящий в стену провод. Сейчас она может разговаривать с Зебадией только в подвале. О, я уверена, она была хорошей девочкой, пока эта горилла ее не изнасиловала. Тетя Хильда, не бойся задеть чувства Гэй, у нее их нет. Для компьютера она довольно туповата. Любой заштатный колледж и большинство школ имеют в собственности или арендуют компьютеры куда мощнее. Гэй, в сущности, кибер, автопилот с небольшой цифровой емкостью и ограниченной памятью. И модификации, которые наспех прикрутил ей Зебадия, сделали из нее нечто большее, чем автопилот, но не превратили в компьютер общего назначения. Скособоченный гибрид. У нее куда больше опций случайного выбора, чем требуется, и у нее есть дополнительные функции, о которых IBM никогда и не мечтала.

— Дити, а зачем ты снимаешь панели? Я думала, ты всего лишь программист? Твоя работа — программы, а не механизмы.

— Я *и есть* математик-программист. Я не стала бы пытаться модифицировать этого монстра, даже получив письменный приказ от своего любимого-но-хитрого мужа. Но как, во имя Аллаха, специалист по программам может думать об оптимизации кода, если он не знает, как тут все устроено? Первая часть этой книги рассказывает, ради чего был создан этот автопилот... а вторая часть, ксерокопированные страницы, показывают те непристойности, которым Зебадия выучил сам ее. Эта долбаная кучка чипов теперь говорит на трех логических языках в едином интерфейсе, хотя была создана только для одного. И она не воспримет *ни один* из них, пока не услышит одну из двусмысленностей Зебадии. И даже тогда она редко отвечает на кодовые фразы одинаково два раза подряд. Что она говорит в ответ на «Ты Умница, Гэй»?

— Я помню: «Готова поспорить, босс, ты всем девчонкам это говоришь. Прием».

— Иногда. Чаще всего, поскольку у этого ответа выставлена частота появления в три раза выше, чем у любого другого. Но послушай это:

«Зеб, я такая умная, что сама пугаюсь»

«Тогда почему ты отказал мне в повышении?»

«Мне не интересны комплименты! Убери лапу с моего колена»

«Не так громко, дорогой. Я не хочу, чтобы мой парень услышал»

...и там есть еще. Как минимум по четыре ответа на любую из кодовых фраз Зебадии. *Он* использует только один список, но автопилот отвечает в разных вариантах на каждую из его фраз — и все они означают либо «Принято», либо «Неизвестная команда. Перефразировать».

— Мне нравится эта идея. Забавно.

— Ну... мне тоже. Я одушевляю компьютеры, думаю о них как о людях... а такой наполовину рэндомный список ответов делает «Гэй Обманщицу» еще более живой... хотя она не живая. И даже не особенно гибкая, по сравнению с наземным компьютером. Но... — тут Дити улыбнулась, — я собираюсь приготовить мужу несколько сюрпризов.

— Как, Дити?

— Ты знаешь, как он говорит: «Доброе утро, Гэй. Как ты?», когда мы усаживаемся завтракать.

— Да, мне это нравится. Так дружелюбно. Она обычно отвечает: «У меня все хорошо, Зеб».

— Да, но это код, запускающий тесты. Он приказывает автопилоту выполнить программу самопроверки и доложить о наличии действующих инструкций. Это занимает меньше миллисекунды. Если он не получит этот или эквивалентный ответ, он бросится напрямик сюда, чтобы разобраться — что не так. Но я собираюсь добавить еще один ответ. Или даже не один.

— Я думала, ты отказалась что-либо модифицировать.

— Тетя Хиллбилли, это *программы*, а не провода и микросхемы. Мне разрешили вносить изменения и поручили расширить диапазон ответов для каждого из нас, используя наши голоса. Это элементарное программирование. Ты говоришь «доброе утро» этому устройству, и оно — когда я закончу — ответит тебе и назовет Хильдой или миссис Берроуз.

— О, пусть она зовет меня «Хильда».

— Хорошо, но давай позволим ей назвать тебя время от времени «миссис Берроуз» для разнообразия.

— Ну... хорошо. Оставим ей индивидуальность.

— Я могу даже заставить ее называть тебя... с очень небольшой вероятностью... Козочкой.

Я захохотала:

— Сделай это, Дити, пожалуйста. Но я хочу быть рядом, чтобы видеть лицо Джейкоба.

— Ты увидишь, ведь я не запрограммирую ее отвечать таким образом только на твой голос. Просто не говори ей: «Доброе утро, Гэй», если папа *не* слушает. А вот штука для моего мужа: Зебадия говорит: «Доброе утро, Гэй. Как ты?», а динамик отвечает: «Я-то в порядке, Зеб. А вот у тебя ширинка нараспашку и глаза красные. Ты что, с похмелья *опять?*».

Дити такая серьезная и в то же время игривая.

— Сделай это, дорогая! Бедный Зебби — он пьет меньше любого из нас. Но ведь на нем может не быть штанов на молнии.

— Зебадия всегда надевает что-то к столу. У него даже трусы на молнии. Эластик ему не нравится.

— Но он узнает твой голос, Дити.

— Не-а. Потому что это будет *твой* голос — модифицированный.

Так и получилось. У меня контральто с диапазоном вполне под стать актрисе — или подружке, которая одолжила «Гэй Обманщице» ее оригинальный голос. Не думаю, что у меня есть та знойная, похотливая нотка, что у нее, но я прирожденный имитатор. Дити позаимствовала какой-то вихлескоп — осцилоскоп? — у своего отца, моего Джейкоба, и я репетировала, пока мои фразы для «Гэй Обманщицы» не стали соответствовать ее оригинальному репертуару, и Дити сказала, что не может их различить без тщательной проверки.

— IX —

Дити

Мы с тетей Хильдой закончили перепрограммирование как раз за то время, что понадобилось Зебадии и папе, чтобы придумать и создать контуры безопасности и другие узлы, которые должны были превратить «Гэй Обманщицу» в континуумоход — когда в нее установят машину пространства-времени. Задние сиденья пришлось убрать, чтобы разместить папино устройство на переборке и приварить его к корпусу, а потом сиденья пришлось сдвигать на двадцать сантиметров назад, чтобы добавить пространства для ног. Приборы управления гироскопами и тройные верньеры переместились на приборную панель водителя, все управление ручное, но была одна голосовая команда: если кто-то из нас скажет «“Гэй Обманщица”, верни нас домой!», то машина и пассажиры вмиг окажутся в Уютной Гавани.

Я доверяю папе. Он дважды благополучно вернул нас домой, сделав это без контуров безопасности и рычага мертвеца. Последний был запараллелен с командой «Домой!», в обычном состоянии был зафиксирован и спрятан, но его можно было вынуть и зажать в кулаке. Имелись другие контуры безопасно-

сти — температуры, давления, состава воздуха, радар столкновений и датчики иных угроз. Если мы возникнем внутри звезды или планеты, то ничто из этого нас не спасет, но нетрудно посчитать, что шансы упасть с лестницы и свернуть себе шею намного выше, чем шансы занять одно пространство с другой материей — пространства много, массы мало, по крайней мере, в нашей родной вселенной. Мы надеялись, что это будет верно и для других вселенных.

Заранее узнать, как обстоят дела в других пространствах Числа Зверя, невозможно, но «трус не пустится в дорогу, слабый вымрет по пути»¹. Никто из нас ни слова не сказал о том, что отправляться в другие вселенные *совсем не обязательно*. Да и наша родная планета стала недружелюбной. Мы больше не говорили о «Черных Шляпах», но помнили, что они никуда не делись и что мы до сих пор живы лишь потому, что затаились и позволили всем считать, что мы мертвы.

По утрам за завтраком у нас улучшался аппетит, когда «Гэй Обманщица» вместо обзора найденных новостей докладывала: «нет данных». Зебадия, я совершенно уверена, считал, что его кузен мертв. Не сомневаюсь, что он все равно отправился бы на Суматру в безнадежной попытке его разыскать — если бы у него появилась жена, а в перспективе и ребенок. Я пропустила месячные, как и Хильда. Наши мужчины подняли тосты за наши пока еще не раздувшиеся животики; мы с Хильдой неохотно пообещали быть хорошими девочками — есть, сэр! — и осторожными. Хильда присоединилась к моей утренней разминке, мужчины тоже, едва поймали нас за этим занятием.

Зебадия мог бы обойтись без физических упражнений, но он, похоже, получал от них удовольствие. А папа убавил в талии всего за неделю пять сантиметров.

Вскоре после тостов Зебадия испытал оболочку «Гэй Обманщицы» на герметичность, нагнав четыре атмосферы внутри и выведя наружу манометр.

Пока наш пространственно-временной кораблик был запечатан, мы мало что могли сделать и потому закончили работу рано.

¹ Слова американского поэта Х. Миллера (1837—1913). — *Прим. С. В. Голд.*

— Поплаваем? — предложила я.

В Уютной Гавани не было бассейна городского типа, а горный ручей слишком *холодный*. Папа исправил этот недостаток, когда спрятал его под землю: через трубы отвел воду под землей в заросли кустарника, где создал «природную» горную речушку, что протекала рядом с домом. Потом он закатил в русло огромный валун, добавил к нему несколько поменьше, чтобы получился бассейн, который можно было наполнять и сливать. Для стыков он использовал окрашенный цемент, чтобы бассейн казался творением природы.

После моих слов можно подумать, что папа у меня настоящий Пол Баньян¹. Папа и вправду *мог бы* построить Уютную Гавань только собственными руками. Но все подземные этажи вырыли испаноязычные рабочие из Ногалеса, и они же смонтировали сборный домик на поверхности. Воздушный кран доставил детали и материалы из строительной компании Альбукерке, которую мама Джейн купила для папы через подставных юристов в Далласе. Краном управлял сам менеджер компании. Он был уверен, что это заказ богатого клиента юридической фирмы и что самым разумным будет выполнить работу и обо всем забыть. Папа командовал процессом на техасском диалекте мексиканского, с помощью своей секретарши, то есть меня — испанский был одним из языков, которые я изучала в аспирантуре.

Рабочие и механики не имели ни малейшего представления, где они находятся, но им хорошо платили, их хорошо кормили, они комфортно жили в сборных домиках, которые привез тот же кран, все тяжелые работы выполняла техника — а в таких условиях кого волнует, что именно делают «gringos locos»²? Два пилота должны были знать, где идет строительство, но они летали на сигнал радиомаяка, которого тут больше нет.

Вся эта секретность была вызвана вовсе не Черными Шляпами; о законе джунглей я узнала от мамы: никогда не давай налоговой инспекции никаких зацепок. Плати наличными, держи

¹ Пол Баньян — герой американского фольклора, великан-лесоруб и первопроходец. — Прим. С. В. Голд.

² Безумные гринго (ист.).

рот на замке, не проводи через банки ничего, что позже не будет отражено в декларации. Плати налоги чуть выше, чем ожидают при твоём уровне жизни, и соответственно декларируй доходы. Нас проверяли трижды после смерти мамы; каждый раз правительство возвращало небольшую «переплату», ну а я получила репутацию девушки туповатой, но честной.

Мое предложение насчет поплавать было встречено молчанием.

Затем папа сказал:

— Зеб, твоё жена слишком энергична. Дити, позже вода будет теплее, а тени под деревьями больше. Тогда мы сможем неспешно прогуляться до бассейна. Зеб?

— Я согласен, Джейк. Мне нужно сохранять энергию.

— Поспать?

— Даже на сон моих сил недостаточно. Что ты говорил сегодня утром по поводу перестройки системы?

Тетя Хильда выглядела ошарашенной.

— Я думала, что мисс «Гэй Обманщица» уже готова. Вы хотите все переделать?

— Спокойно, дорогая Язва. «Гэй Обманщица» и правда готова. Осталось только загрузить в трюм некоторые вещи, которые мы уже взвесили и прикинули размещение для сохранения центра масс.

Я могла бы ей кое-что рассказать об этом — разбираясь с тем, что можно рассовать по всем углам и отделениям, не лишив Гэй баланса, я обнаружила, что у моего мужа имеется совершенно незаконная лазерная пушка. Я ничего не сказала, я просто включила в расчеты её массу и расстояние от оптимального центра тяжести. Иногда я размышляю, кто из нас больше нарушает закон: Зебадия или я? У большинства мужчин есть нездоровая склонность повиноваться законам, но эта нелегальная лазерная пушка заставила меня призадуматься.

— Почему бы не оставить все как есть? — осведомилась тетя Хильда. — Джейкоб и Господь знают, насколько я счастлива тут... Но Вы Все В Курсе, Почему Мы Не Можем Оставаться Тут Дольше, Чем Нужно.

— Мы говорили не о «Гэй Обманщице». Мы с Джейком обсуждали перестройку Солнечной системы.

— *Солнечной системы?* А что с ней сейчас не так?

— Много чего, — сообщил Зебадия. — Она собрана кое-как. Куча недвижимости пропадает зря. Наша старая измученная планета набита людьми и местами обветшала. Понятно, промышленность и энергостанции на орбите нас слегка спасают, и поселения в точках Лагранж-Четыре и Лагранж-Пять сидят на самообеспечении... все, кто вначале инвестировал в космические станции, сделали кучу денег.

(Как мой папа, Зебадия.)

— Но это ерунда по сравнению с тем, что можно сделать, — продолжал он, — а у нашей планеты с каждым годом дела все хуже. Но шестимерный принцип Джейка может изменить все.

— Переместить людей в другие вселенные? А они поедут?

— Мы не думали об этом, Хильда. Мы пытаемся применить закон Кларка.

— Я такого не помню. Может быть, его проходили, когда я болела свинкой?

— Артур Кларк, — сказал ей папа. — Великий человек... как жаль, что его ликвидировали во время Чистки. Кларк вычислил, как совершить великое открытие или сделать важное изобретение: сначала выясни, что, по мнению самых уважаемых авторитетов, сделать *невозможно* — а потом сделай это. Мой континуумоход — крестник Кларка через его закон. Его озарение вдохновило меня на изучение шестимерных континуумов. А этим утром Зеб подкинул мне кое-какие следствия моего открытия.

— Джейк, не пудри дамам мозги. Я задала конкретный вопрос, а ты уводишь разговор в сторону.

— Э-э-э, ну, мы объединили две идеи. Хильда, ты знаешь, что для путешествий во времени-пространстве не нужна энергия?

— Боюсь, что я не в курсе, дорогой мой. Зачем тогда энергоблоки в «Гэй Обманщице»?

— Для вспомогательных нужд. Чтобы тебе не пришлось готовить на открытом огне, например.

— Да, сам искривитель континуума не потребляет энергии, — подтвердил Зебадия. — Только не спрашивай почему. Я спросил, Джейк начал писать уравнения на санскрите, и у меня дико заболела голова.

— Он не потребляет энергии, тетя Хильда, — внесла свою лепту и я. — Есть утечки через паразитную мощность излучения. Еще несколько микроватт, чтобы поддерживать вращение гироскопов, милливатты для приборной панели и верньеров... но сам аппарат ничего не потребляет.

— А что случилось с законом сохранения энергии?

— Язва, — начал мой муж, — я сносный механик, схемотехник-любитель и парень, который гонял по небу совершенно немыслимую рухлядь. Меня не волнуют теории, пока техника делает то, для чего она предназначена. Я начинаю волноваться, только когда машина поворачивается и начинает меня кусать. Именно поэтому я специализируюсь на контурах безопасности, аварийных системах и тройном резервировании. Пытаюсь сделать так, чтобы машина *никогда* меня не подводила. Этого нет в теориях, но это знает каждый инженер.

— Хильда, любимая, наш континуумоход не нарушает закон сохранения массы-энергии; он просто не имеет к нему отношения. Как только Зеб понял, что...

— Я не говорил, что понял.

— ...как только Зеб принял это предположение, у него тут же появились интересные вопросы. Например, Юпитер не нуждается в Ганимеде...

— А вот Венере бы он очень пригодился. Хотя Титан, возможно, подошел бы лучше.

— Мм-м... возможно.

— Да. Быстрее получится создать обитаемую базу. Но более срочная задача, Джейк, состоит в том, чтобы засеять Венеру, перенести атмосферу на Марс и прогнать их через ускоренное старение. Потом переместить в... Троянские точки на земной орбите¹?

¹ *Троянские точки* — точки Лагранжа L_4 и L_5 , в которых силы притяжения Земли и Солнца создают условия равновесия: объект небольшой массы, находясь в этой точке, может следовать за Землей по орбите на стабильном расстоянии. Объекты большой массы в этих точках, очевидно, дестабилизируют систему. Теоретически вблизи орбиты Земли должны существовать точки стабильности для Марса или Венеры (для их определения нужно всего-навсего решить Задачу трех тел), но эти точки некорректно называть «троянскими». — *Прим. С. В. Голд.*

— Определенно. За нами миллионы лет эволюции именно на этом расстоянии от Солнца. Ясно, что для нас лучше всего жить не ближе и не дальше. И нужно особое внимание к стратосферной защите. Но у меня все еще есть сомнения по поводу того, как поместить якорь в кору Венеры. Мы же не захотим потерять эту планету на оси «тау».

— Исключительно вопрос НИОКР, Джейк. Рассчитать давление и температуру, предусмотреть соответствующую прочность транспортного средства — оно должно быть сферическое, за исключением внешних якорей, — а потом заложить в него четырехкратную надежность. Для автоматического управления — пятикратное резервирование. Мы подхватим ее, когда она вернется в нашу вселенную, переведем на земную орбиту, в шестидесяти градусах от нас¹, и начнем продавать участки размером со старые испанские латифундии. Джейк, нам нужно собрать достаточно массы, чтобы создать новые Земли во *всех* троянских точках, чтобы получился шестиугольник вокруг Солнца. Пять новеньких Земель дадут нам достаточно пространства для размножения. Когда отправимся в первое путешествие, надо будет все хорошенько изучить.

Тетя Хильда глянула на Зебадию с ужасом:

— Зебби! Создание планет — вы совсем рехнулись?!

— Дорогая теща, те вещи, которые мы обсуждаем с Джейком, вполне возможно реализовать — если вспомнить, что искривитель пространства-времени не потребляет энергии. Двигай что угодно куда угодно — в любые пространства, в любые времена. Да, я говорю о них во множественном числе, сначала я не понимал, что имеет в виду Джейк, когда говорит об ускоренном старении планеты. Поверни Венеру по оси «тау», двинь ее назад по оси «тэ», установи ее на столетия или тысячелетия позже на оси «t». Возможно, сдвинь ее на год или около того в будущее —

¹ В идеальном случае Земля, Солнце и классическая троянская точка образуют равносторонний треугольник, углы в котором равны 60°. В случае с массивным телом в троянской точке это правило уже не работает (см. выше), однако шесть планет равной массы, построенные кольцом вокруг Солнца, действительно могут образовать устойчивую систему с углами 60°. — *Прим. С. В. Голд.*

наше будущее, — чтобы подготовиться к ее возвращению, когда она возникнет вся зеленая и красивая, готовая растить детей, щенков и бабочек. Терраформированная, но девственная.

Немного позже Зебадия, растянувшись на диване, разгляды-вал стену над камином и вдруг неожиданно спросил:

— Папа, ты служил на флоте?

— Нет, в армии. Если можно так назвать «офисных пехо-тинцев». Благодаря докторской степени в математике мне при-своили офицерское звание, сказали, что я нужен для решения баллистических задач. А потом я весь срок провел в кадровом отделе, бумажки подписывал.

— Стандартный порядок действий. Тут у тебя на стене мор-ская шпага и португез. Я подумал, они твои.

— Они принадлежат Дити, а к ней перешли от Роджерса, дедушки Джейн. У меня есть парадная сабля. Принадлежала отцу, а он отдал ее мне, когда меня прибрали в армию. Парадная форма тоже имеется. Только я никогда ее не надевал — повода просто не было, — папа поднялся и отправился в свою — их — спальню, откуда крикнул: — Пойдем, я покажу тебе саблю.

Мой муж повернулся ко мне:

— Дити, ты не возражаешь, если я возьму твою шпагу?

— Мой капитан, эта шпага твоя.

— Ну нет, дорогая, я не могу принять семейную реликвию.

— Если мой вождь не примет в дар от своей принцессы сей клинок, он останется висеть на стене! Я так хотела сделать те-бе свадебный подарок — и не сообразила, что у меня уже есть идеальный дар для капитана Джона Картера.

— Мои извинения, Дея Торис. Я принимаю твой дар и обе-щаю, что клинок сей не потускнеет. Им я буду защищать мою принцессу от всех врагов.

— Гелиум горд принять такого защитника. Если ты подста-вишь руки, я встану на них и сниму его со стены.

Зебадия ухватил меня повыше колен, и я неожиданно вы-росла до трех метров. Шпага и португез висели на крючках, я сняла их, после чего меня самую аккуратную опустили на пол. Мой муж стоял прямо, пока я застегивала на нем португезу, а потом опустился на колено и поцеловал мою руку.